

[Polaris]

Александр
ЕЛИСЕЕВ

КАРТИНЫ
ДОИСТОРИЧЕСКОЙ
ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА

В дали времен

Том X

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

CCCLVIII

Salamandra P.V.V.

**Александр
ЕЛИСЕЕВ**

КАРТИНЫ ДОИСТОРИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА

В дали времен
Том X

Salamandra P.V.V.

Елисеев А. В.

Картины доисторической жизни человека (В дали времен. Том X). — Б. м.: Salamandra P.V.V., 2020. — 115 с., илл. — (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. CCCLVIII).

А. В. Елисеев (1858-1895) — русский военный врач и путешественник, побывавший в Скандинавии, на севере России, Ближнем и Дальнем Востоке, в Малой Азии и многих странах Африки и описавший свои путешествия в увлекательных сочинениях.

Посмертно изданный иллюстрированный «антропологический очерк» Елисеева «Картины доисторической жизни человека» сочетает художественное повествование с научно-популярным рассказом о жизни первобытных людей. К книге приложен мемуарный очерк Д. Н. Мамина-Сибиряка.

ЦѢНА 50 коп.

• ЗНАНІЕ ДЛЯ ВСѢХЪ • ИЗДАНИЕ
П.П.СОЙКИНА •

КАРТИНЫ ДОИСТОРИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ ЧЕЛОВѢКА

**КАРТИНЫ
ДОИСТОРИЧЕСКОЙ
ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА**

Я поведу свой рассказ о временах давно минувших, которых не знают ни история, ни предание, ни песни народные; я введу тебя, читатель, в мрак минувшего прошлого человечества и дам тебе маленький светоч, чтобы ты мог там осмотреться и составить себе понятие о том, как жил человек — наш далекий предок — в те времена, когда он и ликом, не только что чем другим, был не похож на своего отдаленного потомка. Тысячи поколений прошли с тех пор, как жил тот человек, которого наука назвала доисторическим или первобытным человеком.

Ты спросишь меня, вероятно, как же мы будем говорить о том, о чем мы не можем составить и понятия, когда не осталось ни одного словечка, ни одной строчки из чудного предания народного?

Да, не осталось ничего такого, по чему мы могли бы нарисовать себе образ мысли и духовную жизнь того древнего человека, но о быте его и о жизни домашней мы знаем, право, никак не менее, чем о начале нашей русской истории.

Мертва и бесплодна, по-видимому, археология: жрецы ее кажутся помешанными на страсти копать в земле и отыскивать не клады даже, а простые черепки, камешки да кости; для этого они не церемонятся раскапывать даже такие могилы, которым память народная начисляет сотни и тысячи лет. Но как непривлекательна на вид и безынтересна археология для профана, так она становится увлекательна и бесконечно интересна для того, кто проникнет в ее цели и стремления. Археолог воскрешает перед нами того древнего человека, которого не знает не только что история, но и сами иероглифические письмена, и воскрешает его так живо и рельефно, как не может сделать того сама история. По находкам археологии — по этим черепкам, камням, обломкам и костям — мы можем не представить просто, а прочитать, как жил тот человек, который даже и видом не похож был на нас. Мало того — археолог, с помощью вспомогательных наук, каковы: геология, палеонтология и антропология, — нарисует даже общую картину жизни того первобытного человека, ту природу, которая его окружала, ту

жизнь, которая кипела вокруг него; он нарисует иногда по черепу даже приблизительный портрет нашего отдаленного предка, и настолько верно, что дай Бог, чтобы мы могли представить себе так же хорошо общие физиономии египетских, ассирийских, даже греческих и римских героев, о которых так пространно трактует история.

Нашим кратким замечанием мы только указали тот путь, которым идет археология, и тот метод, каким создалась целая наука о доисторическом человеке, получившая в самое последнее время название доисторической антропологии. Эта последняя дополняет собою историю, которая не идет далее иероглифов Египта, клинообразных надписей Средней Азии и изучения исторических народов при помощи сравнительного языкознания и мифологии.

Мы постараемся теперь нарисовать картину из того периода жизни первобытного человека, который зовется эпохой неполированного камня или *палеолитическим* периодом каменного века*.

* По тем каменным находкам, которые, как доказано научными исследованиями, применялись человеком для изготовления предметов домашнего обихода и оружия, можно различать так называемый каменный век и век металлический. Их расчленяют следующим образом:

1. Каменный век:

1) *Эолитический век*, — применяются, смотря по надобности, камни, имеющие естественную подходящую форму;

2) *Палеолитический век*, — кремни и другие камни обрабатываются искусственно и им придается соответствующая форма, делающая их удобными к употреблению в качестве орудий;

3) *Неолитический век*, — оружие и инструменты изготавливаются, отбиваются и отшлифовываются по определенным образцам.

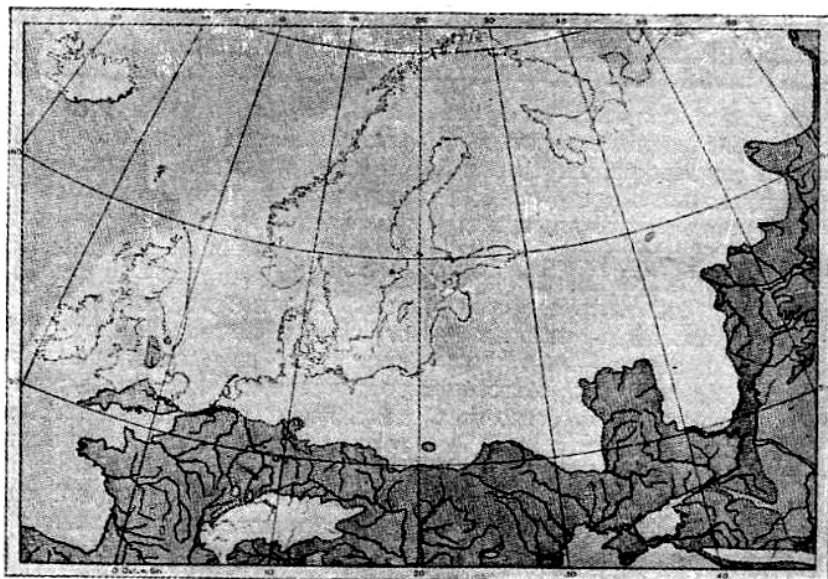
II. Век металлов:

1) *Медный век*,

2) *Бронзовый век*,

3) *Железный век*.

Как ни просто и ясно это расчленение, все же применить его к от-

Карта наибольшего распространения ледников в Европѣ въ ледниковую эпоху, во время которой уже жилъ первобытный человѣкъ. Свѣтлая часть карты представляет собою сплошную массу ледниковъ, покрывавшихъ Англію, Исландію, весь Скандинавскій полуостровъ, большую часть Россіи и сѣверную часть Европы.

дельным случаям представляется затруднительным; на большие трудности наталкивается также попытка рассматривать одну и ту же технику, как доказательство хронологического единства. Таким образом, переход от одной техники к другой не совершался одновременно и однородно, и новый вид домашней утвари или оружия во многих случаях являлся предметом ввоза, особенно после военных походов.

Давным-давно то было, что я теперь хочу рассказать. Не было тогда еще и помину о народе русском или славянском, не было тогда в наших краях ни сел, ни городов, ни строений каких-нибудь, которые можно было бы назвать жильем человеческим, — все было пусто, мертво и необитаемо. Огромные, непроходимые, девственные леса, еще дремучее, чем тайги сибирские, тянулись не на десятки и сотни, а на целые тысячи верст.

Те леса дремучие шли от берегов моря Балтийского на западе до побережий Великого океана на востоке; к северу они уходили в тундры и промерзшие мшары, а на юге — где переходили в болота и степи травяные, а где кончались сыпучими песками, как на границах с пустынями Азии; местами они упирались в горы непроходимые, а порой выходили на берег морской. Огромная равнина, простирающаяся без малого тысяч на пятнадцать верст через всю Европу и Северную Азию, которую ныне так подразделили под различными наименованиями географы, была почти одним непроходимым лесным океаном, прерываемым, как островками, только мшарами, болотами да озерами, которые совершенно терялись в этой необозримой лесной заросли.

То был целый лесной мир, откуда не было выхода; только реки могучие да невысокие горы прорезали это бесконечное лесное пространство. Реки были те же, что и ныне бороздят великую Сарматско-Сибирскую низменность, но только они были в несколько раз глубже, шире и многоводнее: лесное море питало огромные речные и озерные системы. Никак не назывались эти реки и озера; никто не окрещивал звучными именами миллионы урочищ, которым в наше время даны имена; никто не называл даже целых стран, потому что их, как отдельных частей бесконечного пространства, не было вовсе; не было имени морям, потому что их не ведал человек... Весь этот лесной мир был нечто колоссальное, почти не имевшее границ, это был тот же океан, с виду мертвый и ненаселенный, но в безднах своих таив-

Встрѣча мамонта съ пещерными медвѣдями.

ший жизнь бесконечную и разнообразную, какую едва может представить себе самая пылкая фантазия.

При взгляде на наши жалкие исчезающие леса, мы не можем себе и представить колоссального, подавляющего величия этого лесного мира, который в своих тайниках скрывал исполинское развитие жизни могучей не менее, чем жизнь океанских бездн. Только с виду этот лесной океан был безжизнен, но жил своей колоссальной жизнью независимо от жизни миллиардов существ, его населявших. Он жил сам по себе, нарождался, рос, возрастал и погибал; все периоды этой грандиозной жизни происходили в нем самом невидимо и неслышно...

Проявление самой могучей органической жизни шло в нем наряду с процессами разрушения; из продуктов тления нарождалась новая жизнь, постоянно свежая, полная сил, крепости и здоровья. Проявлениями этой смены растительной жизни обусловилась и жизнь животная — тоже могучая, но не такая колоссальная, как жизнь растительная. Жизнь животная развивалась насчет жизни растительной, и, сообразно с этой последней, она росла или сокра-

щалась, но всегда разнообразясь до бесконечности. Жизнь же растительная, подавляя своей колоссальностью жизнь животную, была также разнообразна, но ей не хватало той полноты, того неописуемого богатства в формах проявления и жизненной силы, которые так присущи миру животных.

Мускусный быкъ (*Ovibos moschatus*). Область распространения его ограничивается нынѣ высокими широтами Сѣв. Америки (Сѣв. Ледовитый океанъ).

Богаты и разнообразны наши леса как растительными, так и животными формами, но это разнообразие было еще полнее, когда на месте наших лесов — жалких обрывков прежнего величия — стоял великий лесной океан. Юность органической жизни, вначале сказывавшейся колоссальностью роста, с возрастом нашей планеты стала сказываться и разнообразием. Палеонтологи с удивлением рассматривают окаменевшие остатки древней первобытной могучей жизни и воссоздают точным анализом и логикой перед нашими умственными очами давно отжившие и окаменевшие уже формы той жизни, в которой скрывается и таинственное начало или происхождение человека.

Мы мало знаем о насекомых той отдаленной древности, потому что они слишком малы, чтобы уцелеть для нашей науки после стольких тысячелетий, и, чтобы легко быть

найденными, если бы даже они и уцелели. Но как многочисленны и разнообразны были мягкотелые и наливочные, о том свидетельствуют огромные пласты и целые горы, обязанные своим происхождением именно этим крошечным органическим существам.

Исполинский олень (*Cervus megaceros*). Нѣкогда первобытный олень бродилъ цѣлыми стадами по средне-европейскимъ равнинамъ, теперь отодвинулся къ странамъ полярнаго круга.

Могучая сила животной жизни сказалась прежде всего в тех огромных пресмыкающихся и амфибиях, которые, можно сказать, царили над миром, когда еще не было более высших животных. Исполинские ящерицы, превосходившие самых огромных нильских крокодилов, всевозможные чудовища, вроде мегалозавров, плезиозавров, птеродактилей, ихтиозавров и т. п. существ, снабженных ужасающими орудиями защиты, населяли мир в то отдаленное время, когда еще не было человека...

Потом, с вымиранием этих чудовищ, населили лесной мир не менее гигантские млекопитающие, в которых сказалась уже высшая форма животной жизни. Огромные мамонт, носорог, пещерный медведь, пещерный лев, бык лесной, северный олень и др., превосходившие размерами соответствующих животных нашего времени, в свою очередь царили над миром, хотя в то время уже жил и человек — этот венец создания, настоящий владыка земли, ее последнее, любимое дитя.

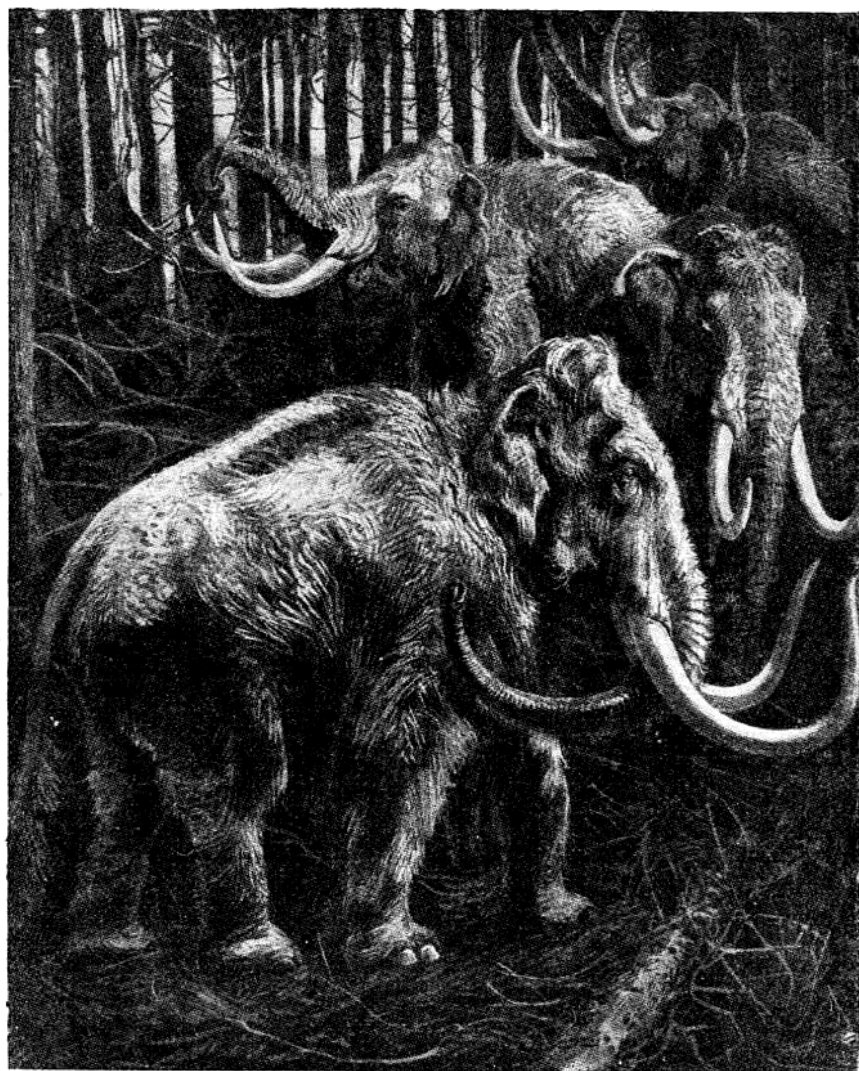
Зубрь или бизонъ (*Bos americanus*). Нынѣ водится въ дикомъ состояніи въ Бѣловѣжской пущѣ и въ нѣсколькихъ долинахъ Кавказа.

Он не был, однако, тогда царем нашей планеты, потому что он был еще в младенчестве своего развития, и ему не под силу было бороться с исполинами-зверями за обладание землей. Он должен был напрягать все свои силы —

душевные и телесные — для того, чтобы только устоять в страшной и великой борьбе за свое существование и сохранить свой род от истребления, которого требует часто «борьба каждого против всех». И человек устоял в этой страшной борьбе и окреп, к счастью, не столько телом, сколько духом и умом, — и с той поры он начинает становиться владыкой земли...

Среди лесной девственной глуши, населенной тысячами разнообразнейших животных, блуждал и первобытный человек. Когда и откуда он появился в наших странах, как и везде, этот вопрос тысячи лет все задает себе человечество, уже окрепшее умом, богатой мыслью, накопленной бесконечной сменой поколений. Человек появился в лесном океане очень и очень давно — еще во времена пещерного медведя, носорога и мамонта, — только и можем ответить мы на первый вопрос. Что он появился первично не в лесной глуши севера, а пришел туда из стран более богатых природой — это тоже несомненно.

Не без основания корифеи науки предполагают эту первичную родину человечества, так сказать, колыбель его, в недрах срединной Азии, где-то в благословенных долинах Гиндукуша и Памира, или среди текших медом и млеком равнин Месопотамии. Там была, очень вероятно, в самом деле колыбель человеческого рода, оттуда исшел первичный человек во все страны света, чтобы населить мир.

Мамонт (*Elephas primigenius*). По строению своего скелета вымерший теперь мамонт напоминает индийского слона. Въ мерзлой землѣ сѣверной Сибири находятъ до сихъ поръ трупы замерзшихъ мамонтовъ съ хорошо сохранившимися мясомъ, кожей и шерстью.

II

Невозможно себе составить даже приблизительного понятия об этой важнейшей эпохе в жизни человечества, но необходимо сказать, что следы этого первобытного человека в разных странах мира найдены с останками исполинских животных, которых он был современником, как мы уже говорили. Сообразно с этими совместными находениями, даже принято делить век первобытного человека на мамонтовый, северного оленя и т. д.

Присутствие человеческих костей в мамонтовом веке в разных странах, отдаленных на целые тысячи верст от предполагаемой прародины человечества, показывает, что исход первых людей на заселение мира совершился, без сомнения, еще ранее мамонтового века, так как человеку, при его тогдашнем низком развитии и при тех огромных препятствиях, которые представляла ему на пути девственная природа, нужен был огромный период времени, чтобы появиться из недр Азии где-нибудь во Франции или на побережьях Ильмена.

Цепи гор и реки служили тому первому колонизатору ненаселенных земель направлениями, которым он следовал, проникая в неведомый для него мир. Сколько Колумбов было среди этих первых насельников земли, которые, можно сказать, открыли и для себя и для своего потомства весь мир ранее, чем разум позднейших их потомков заставил снова открывать его уже по частям!..

Перенесемся же вольною мыслью в тот древний мир, за весу которого для нас снимает наука и воображение, и пойдем со мной, читатель, в самые чащи первобытного леса наших северных стран.

Тихо и безмолвно в девственной лесной глуши, окружающей унылые берега огромных озер, которые протянулись на восток от моря, называемого ныне Балтийским. Ничто не шелохнется в этой необозримой чаще в час полуденный, когда отдыхает всякая тварь, когда дремлет, кажется, сама природа, согреваемая палящими лучами полуденно-

го солнца. Лишь изредка промяучит желтая иволга или стукнет пестрый дятел о кору испорченного дерева, а потом все затихнет опять... Целыми часами все спит, по-видимому, непробудным сном. Но пойдем дальше в это сонное, словно заколдованное царство, и углубимся смелее в чащу первобытного леса.

Если все идти напрямки, мы едва ли проберемся через лес; могучая сила растительности, питаемой соками тлеющей у ее корней целой массы отживших растений, на каждом шагу возрастила настоящие стены из чащи зарослей, переплетенных выющимися хмелем и повиликой, а с корня обмотанных густыми пучками высокой травы. Нога то проваливается во влажном мху, то запинается в цепкой и густой и лесной поросли; руки отказываются раздвигать, как ткань, заросли, нам не пройти и полуметры в этой девственной чаще. Надо поискать тропинок.

Они есть и были даже в девственном лесу, но их проложил не человек, а зверь, за которым свежим следом по проторенным тропам шел и он — венец создания — первобытный человек... Эти звериные тропы в лесной чаще, быть может, были и первыми дорогами на земле, первичными артериями, по которым впоследствии разлилась и высшая органическая жизнь, оживившая инертную природу.

Мы — жители севера — не можем себе и представить, чтобы животные прокладывали человеку путь в девственных лесах, но в чащах тропической Африки человек еще и теперь охотно пользуется слоновой тропой или путем, пробитым семьей носорогов и бегемотов к водопою, чтобы обратиться поглубже в дебрь непроходного леса. Звериные тропы эти могут быть даже не тропами только, а настоящими путями, как бы проложенными искусственно через сплошные лесные заросли. Представьте себе, что стадо слонов, а в северных странах диких быков или лосей, испуганное чем-нибудь, мчится по молодому лесу или переселяется, подвигаясь медленно, но кучно, для отыскания себе нового пастбища, и вы поймете, что оно оставит след и в первобытной чаще, как оставляет за собой след человек, пробираясь по густой траве.

Присмотримся внимательнее вокруг, — и мы убедимся воочию, что бесконечный лес населен, и населен бесконечно огромным количеством живых существ. Мало того, мы увидим еще многое другое, чего теперь нам не увидеть в наших лесах. Мы встретим целые стада оленей, которым нет теперь подобных; то будут, сравнительно с нашими, исполинские олени с огромными рогами, в несколько раз превосходившими рога нынешних оленей. Мы встретим огромные стада зубров, лосей и северных оленей, которые живут теперь только на далеком севере. Еще больше в те времена встречалось в лесах Европы и Азии различных пород древних быков. Их огромные стада служили часто главным предметом охоты первобытного человека. Некоторых из них он потом поработил себе и одомашнил. Дико тогда обитали в лесной чаще также стада козлов, баранов и свиней; они еще не знали человека и не служили ему. Эти животные, так знакомые нам, были очень похожи на современных, но зоолог найдет в них некоторую разницу, зависящую, разумеется, от условий их жизни и необходимого питания.

Вместе с волками в первобытном лесу бродили и стада тех древних собак, от которых произошла домашняя собака — первый друг доисторического человека. Она первая из зверей присоединилась к человеку, как бы предчувствуя, что, соединяя свою дружбу с этим последним, она становится другом царя и владыки земли. Собака много послужила первобытному человеку, и без нее, быть может, он не одолел бы тех чудовищ, которыми были полны тогдашние леса. Она облегчила, во всяком случае, человеку эту борьбу настолько, что он скоро стал победителем в борьбе за существование, и тогда зародились прочные зачатки культуры. Как ни странно покажется на первый взгляд, но собаке человек каменного века обязан многим, и только тогда слова Зенд-Авесты, что «разумом собаки держится мир», имели глубокое и ценное значение. С верным другом своим — псом — первобытный человек прошел через леса, полные чудовищ, и поселился среди последних, отвоевывая у них право на владычество. Находясь вечно в борьбе, он должен был

Первобытный человекъ съ собакой на охотѣ.

жить постоянно под страхом нападения чудовищных обитателей лесных дебрей. Поищем же и его, будущего владыку земли, в лесном океане, среди моря зелени, среди той чащи, которую мы описали.

Тихо и безмолвно на звериной тропе, широко раздвинувшей свои лесные стены; присмирели что-то пернатые обитатели зелени, приумолкли крикливые сороки, лесные вороны, голуби и прочая челядь. Все как бы прислушивается, готовится к чему-то торжественному, необыкновенному. А прислушаться есть к чему. Вдали с полудня слышится какой-то неопределенный шум, какое-то смятение, — как будто стадо лесных быков и зубров мчит с полудня на север... Определенно пока разобраться в этом шуме трудно, потому что отдаленный гул, разливаясь и дробясь на бесконечном пространстве, стоит в воздухе неопределенным стоном. Все ближе и ближе, однако, подходит этот гул, уже слышатся мерные удары по земле, как бы от тысячи ног несущегося прямо на нас чудовища.

Оно уже недалеко... Вот раздается страшный рев, потрясший весь лес, и окрест стоящие кусты и деревья зашевелились. Справа и слева, спереди и сзади, показались из густой заросли косматые морды, вооруженные небольшими, но толстыми рогами. Не десятки, а целые сотни огромных зубров выскочили из лесной чащи и помчались по звериной тропе. Их могучие темно-бурые тела, огромные головы с дико сверкающими глазами, крепкие, будто из стали отлитые ноги — все это смешалось, слилось в один стремительно движущийся живой поток, который полился по лесной тропе. Глаз уже не может уловить отдельных животных и видит одну движущуюся массу, одно колоссальное движущееся чудовище. Промчались зубры; их бешеный топот и рев стали замирать по направлению к северу, а на юге слышался новый гул, новое смятение...

Немного прошло времени, — и промчались одно за другим еще два-три стада лесных быков; за ними еще более бешено и быстро пронеслись стада красивых оленей, лесных козлов, косуль и лосей.

Что-то подавляющее, грандиозное было в этом бешеном

Пещерный человекъ въ ледниковую эпоху.

Нисааъ В. Кранцъ по эскизу проф. Клаааа.

ном беге тысяч лесных животных: нам уже не увидеть подобного зрелища, хотя еще недавно тысячи бизонов в прериях и саваннах Америки, при своих переселениях, могли напомнить современному человеку о тех грандиозных перемещениях лесных зверей, которых свидетелем был первобытный человек.

Промчались тысячи жвачных; за ними показались хищники. Какая-то могучая сила гнала и этих чудовищ от полудня на север. Легкой рысью, — то стадами, то одиночкой, — промчались волки; даже опытный зоолог не сразу отличил бы их от современных нам серых разбойников. За ними двигались огромные медведи с неистовым ревом и ворчанием. Между теми и другими неслись сотни зайцев, лисиц и множество мелких лесных зверьков, которых глаз не отличал среди гигантов. Все вместе представляло какую-то чудовищно-фантастическую панораму, в которой перемещивались олени и зайцы, медведи и белки. Весь этот живой поток с возможной скоростью мчался и летел куда-то на север в бешеной скачке.

Тем жезлом и бичом, по мановению которого стремился живой поток обитателей леса, мог быть голод, которому повинуются все на земле, начиная от человека и кончая инфузорией. Но этот бич всего живущего действует постоянно день и ночь, из века в век. Он, правда, гонит все живущее вперед для отыскивания себе насущного пропитания, он обуславливает и обуславливал целые переселения не только животных, но и целых человеческих рас; однако он не в силах обуславливать переселение всех живых существ в один момент, в одном направлении, с быстротой паразитической, — потому что законы всемирной борьбы за существование действуют с известной последовательностью; когда недостаток в пищевых средствах, попросту — голод, дает себя знать, тогда совершается медленное, исподвольное переселение, без внезапной стремительности, со всеми фазами борьбы за существование, победами с одной стороны и уступками — с другой. Внезапные же переселения, — и в жизни животного мира, как и в истории народов, — обуславливаются внезапно постигающими бедствиями. Это дру-

гой стимул, которому повинуются все живое на свете, хотя, собственно говоря, всякое бедствие приводит к той же всеобщей причине жизни и движения — голоду, принимаемому в самом широком смысле этого слова. В быстро нахлынувшем бедствии, которое напугало и всполошило весь звериный мир, мы должны искать причину внезапного толчка к тому передвижению масс лесных животных, которое мы только что описали. Только внезапный испуг мог быть этим понудительным бичом, так как голод один не мог обусловить такого стремительного бегства, как не могла его причинить самая отчаянная борьба за существование. Испуг, всполошивший всех обитателей леса, был слишком очевиден, но причина его далеко не ясна. Кто мог испугать в дебрях первобытной чащи стада могучих животных? Еще не было в них того владыки, пред которым впоследствии преклонилось все живущее; еще не было пред кем бежать дикому туру, зубру и медведю девственного леса; они еще царили над землей, не разделяли ни с кем своей неограниченной власти...

Но вот с юга потянул слабый ветерок и зашелестел кустами и купами вековых деревьев; он принес с собой едкий запах гари, который скоро наполнил собой и заменил балзамический, озонированный воздух лесной чащи. Теперь становится уже понятной могучая причина, нарушившая обыденную тихую жизнь лесной дебри, испугавшая стада диких зверей и заставившая их спасаться в отчаянном, безотчетном, паническом бегстве. Та причина была огонь — могучая стихия, вступившая в борьбу со стихийной массой первобытного леса. Огненный поток, зародившийся где-то из ничтожной искорки, легко и свободно разлился по огромному лесному пространству, затопляя и уничтожая на своем пути вековые девственные дебри, постепенно превращаясь в огненную реку или целое море пламени.

Только он один, — виновник лесного пожара, — не трепетал при виде нахмурившей брови природы, не испугался грозовой тучи, не внял ропоту неба, а гордо глядел на дело своих дерзновенных рук. На огромном пепелище, среди обуглившихся пней, недалеко от берега реки, стоял он, устре-

Мамонтъ въ ловчей ямѣ.

мив свой взор по направлению пущенного огня, и, пораженный его страшными успехами, скорее сознавал свою силу, чем трепетал перед могучей стихией.

Древнѣйшіе черепа первобытнаго человѣка по сравненію съ черепомъ современнаго человѣка (рисунокъ направо). Замѣтно увеличеніе объема черепной коробки.

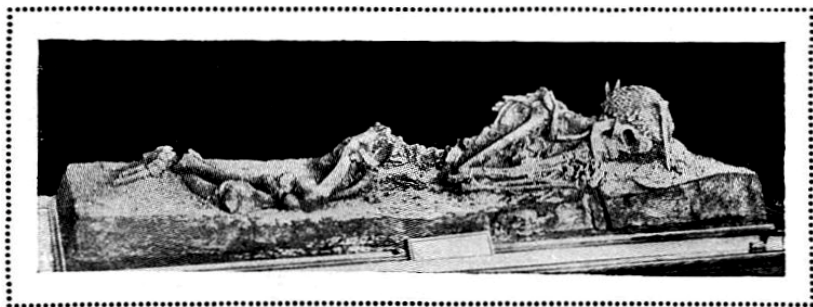
Быть может, видя ужасную силу огня, зажженного его слабой рукой из куска трущегося дерева, человек впервые смутно начал сознавать свою собственную силу, и его детское сознание впервые осенила мысль, что и он может царить над самой природой! Что могло быть величественнее и страшнее для него, — обитателя лесной чащи, не выдавшего ничего, кроме моря, зелени и шумящего леса, — как не этот самый дремучий, первобытный лес, таивший в себе и жизнь, и смерть для человека, вооруженного лишь дубиной да кремневым топором? И вот он, — этот на вид обделенный всем сын праха и земли, — видит, что от ничтожной искры, рожденной его же рукой, гибнет таинственный могучий лес, где таился и кабан, и тур, и огромный медведь... «У них, — этих чудовищ, — все, — быть может, проносится в голове человека, — а у меня лишь кремневый топор да огонь, но я не бессилен теперь даже с этим оружием...»

И, полный какой-то глубокой думой, которой нельзя было прочесть на суровом лице первого человека, явившегося в эту глушь, — он стоял, опершись на свою огромную дубину, как властелин среди своих угодий. Он только что пришел на берега тихой лесной реки, — откуда, то ведомо одному Богу, — и первым делом нового пришельца было потрясти ту огромную сферу, из которой он только что вышел и в которую пришел поселиться. Первый шаг его был шагом властелина, первое дело рук его показало в немладыку окружающего мира, существо, долженствующее не преклоняться, а повелевать. Вглядимся пристальнее в лицо этого пришельца на вольные широкие места Приильменя, первого поселенца тех лесов, где потомки его позднее положили Русь на берегах Ильменя, — и перед нами представится тип первобытного насельника Европы.

«Неладно скроен, да крепко сшит», — вот что можно сказать про всю его могучую, коренастую, приземистую фигуру, напоминавшую скорее звериную, чем человеческую крепость и мощь. Не из мяса и костей, а словно из стали, кажется, отлиты его упругие изящные члены, его широкая, аршин в плечах, могучая грудь; какой-то нечеловеческой мощью дышат мышцы его рук и слегка искривленной в берце ноги; что-то звериное видится и в его лице, еще не озаренном человеческим разумением. Только в темных, глубоких очах его светится тот чудный огонек, высшее проявление мысли которого не увидишь у животного...

Если всмотримся внимательнее в физиономию этого лесного человека, то нас поразит его полуживотный, мало-развитый, пологий лоб с выступающими теменными буграми, — лоб, которого величину еще более уменьшают космы жестких волос, спускающихся чуть не до сильно выступающей надбровной дуги. Довольно широкие, развитые скулы придавали особенную неподвижность его суровому лицу, могучие челюсти которого, с сильными, плотно вколоченными и сравнительно большими зубами — обличали также дикаря полуживотной натуры; этот могучий жевательный аппарат, видно, был приспособлен раздирать и рвать пищу зубами, не нуждаясь в помощи ножей. Почти четырех-

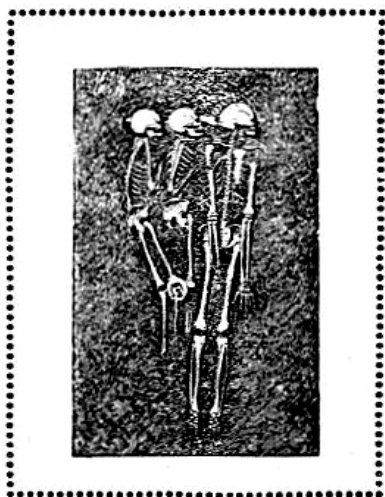
угольную угловатую физиономию мало освещали глубокие, запавшие в небольшие орбиты темные глаза, затемненные сверху густыми, выдающимися, чуть не сходящимися на переносье бровями; от неглубокого переносья под большим углом отходил крепкий, прямой, слегка изогнутый на спинке нос с резко вырезанными большими ноздрями и немного обрубленной вершиной. Довольно мясистые, слегка отвороченные губы прикрывали большой, не особенно изящный разрез рта, причем верхняя губа, значительно вытянутая вперед, придавала при рассматривании сбоку, вместе со всем выступающим сильно вперед профилем, — дикое, почти животное выражение физиономии, обрамленной космами длинных, жестких волос, к которым никогда не прикасался гребень; космы эти падали на лоб, прикрывали и щеки, и выдававшийся сильно назад затылок, и часть широких неуклюжих плеч, и большие, неизящно завитые уши.

Скелет первобытного человека.

Это лицо, дышавшее дикой силой, жизнью, энергией, но не умом, было так неподвижно, как у статуи; порой только играли мышцы ноздрей, слегка приподнимавшихся, как у дикого зверя, чующего врага, да пробегала мышечная волна по щекам лесного человека, а его могучие челюсти совершали движение, подобное сильному нервному подергиванию вбок; всего неподвижнее были глаза, устремленные вдаль: они словно застыли в этом созерцательном положении...

Дикие, почти сырые, необделанные шкуры покрывали плечи и туловище дикаря и спускались почти до колен, обнажая саблевидно искривленные голени и широкую ступню, на которой виднелись какие-то кусочки кожи, привязанные не то жилами зверя, не то лыковыми мочалинами.

Скелеты доисторического человека,
найденные в пещерѣ.

Сквозь грубую одежду лесного человека просвечивало грязновато-бронзово-белого цвета тело, мало знакомое с омовениями, покрытое густой черной растительностью, особенно обильной на полуобнаженных ногах и груди, где она шла густым волосистым крестом, не будучи прикрыта даже кусочком кожи и деревянными амулетами дикаря, висевшими на веревке, свитой из звериных жил. Огромная суковатая дубина, которой не поднять было бы современному человеку, красовалась в правой руке дикаря, служа ему опорой, тогда как левая держала какое-то странное оружие, сработанное из камня и дерева. Судя по массе кремня, заменявшего здесь топориче, это оружие могло быть ужасным в руках человека, могущего владеть им так же легко, как палицей...

III

Все сильнее расходилась буря, все сильнее задувал свирепый северяк, свистя между обгорелыми остатками девственного леса, громче и гулче грохотали громы на потемневших небесах, и крупные капли дождя уже сменились целыми струями воды, а человек, облаченный в медвежьи шкуры, покрытый космами жестких волос, — все стоял и смотрел, не спуская глаз с заполненного дымом горизонта, над которым еще высились багровые столбы с огненными языками, порой прорывавшимися сквозь грязно-серую пелену, закутавшую весь кругозор по направлению далеко ушедшего лесного пожара. Наконец, словно удовлетворенный зрелищем, он приложил ладонь правой рукой ко рту, и из уст его вырвался призывный звук, который нельзя выразить звуками членораздельной речи. В ответ на это из чащи зарослей, еще остававшейся вроде островка на речном берегу, послышался такой же вторивший отклик, но целой октавой выше, и тембр которого напоминал голос женщины. Вслед за тем из заросли молодых дубков вышла другая человеческая фигура, тоже окутанная шкурами, на руках которой лежало завернутое в кусок кожи третье человеческое существо, крепко прильнувшее к полной, млекообильной груди матери и спавшее, несмотря на холодные капли дождя, падавшие на полуобнаженное тело дитяти.

Головой ниже своего мужа, молодая дикарка была воплощением той же грубой человеческой натуры, которая свидетельствует только о физической мощи, крепости и здоровье, — той же переходной формой человеческого типа, когда еще этот последний недалеко ушел от животного, когда растительные процессы и физическая жизнь берут в нем перевес над жизнью интеллектуальной. Могуче сложенное тело молодой женщины не уступало в крепости телу ее мужа; мышцы руки и ноги ее были так же хорошо развиты, но силу и эластичность их прикрыла и округлила жировая клетчатка, придававшая женственные формы и торсу, и плечу, и бедрам женщины-дикарки.

Первобытная женщина собирает ягоды и корни.

Небрежно наброшенная на ее тело шкура не скрывала скромной складкой ни упругой, молодой, сравнительно огромной и отвислой груди, ни обнаженной икры, которой худоба как-то не ладилась с хорошо развитым плечом, ни уплощенного бедра, не могущего похвалиться, однако, соблазнительно округленной формой. На широко уплощенной, с низким подъемом ступне не было даже куска кожи, покрывавшего ногу мужчины. Целая копна длинных жестких волос ниспадала беспорядочно и на лоб, и на уши, и на

обнаженные плечи женщины, оттеняя ее матово-белую, с легким коричневато-красным оттенком загара, кожу лица, горевшего румянцем на щеках; сквозь легкие складки звериной шкуры везде виднелось здоровое, сочное тело беловато-коричневого цвета. Такова была *она* — дочь леса, жена первобытного поселенца страны великих озер.

И *он*, и *она*, и *оно* — все вместе представляли ту единицу человеческого общества — кровную семью, от которой позже произошли все человеческие сообщества. У них не было ни отеческого дома, ни родительского очага, ни знакомых и родных, — ничего, словом, что более или менее искусственно создано и поддерживает семью; их связывало между собой одно кровное родство, одна роковая необходимость...

При виде жены и ребенка на лице дикаря появилось нечто похожее на слабую улыбку: оттянулись слегка углы рта, еле заметная складка легла по обеим щекам, и в темных, суровых очах промелькнуло нечто радостное, светлое, чего не уловить на физиономии зверя. Два-три односложных слова, скорее — нечленораздельных звука, вырвались у него в привет сыну и жене, и могучая рука бросила тяжелую дубину, чтобы протянуть объятия улыбающемуся крошке, еще недавно пришедшему в мир. Светлое, понятное и современному человеку, выражение тихого счастья пробежало тогда по лицу матери, и она передала свое дитя мужу и отцу, который, приняв дорогое сокровище, понес его с собой в кусты, видимо, торопясь спрятать его от злившейся непогоды. Жена взяла палицу своего мужа и пошла вслед за ним в заросли ивняка и дубков.

Там, под сенью могучего, многолистного дуба, было обиталище лесного человека — прообраз людского жилья, еще напоминавшего скорее берлогу зверя, чем жилище человека. Неглубокая яма, обязанная своим происхождением порыву бури, вырвавшей с корнем столетний луб, была основанием этого человеческого жилья. Вместо стены служила ему масса корней и земли из-под вырванного дерева, а вместо пола — глубоко взрытая земля, на которой были выведены бока и крыша из кучи валежника и хвороста, при-

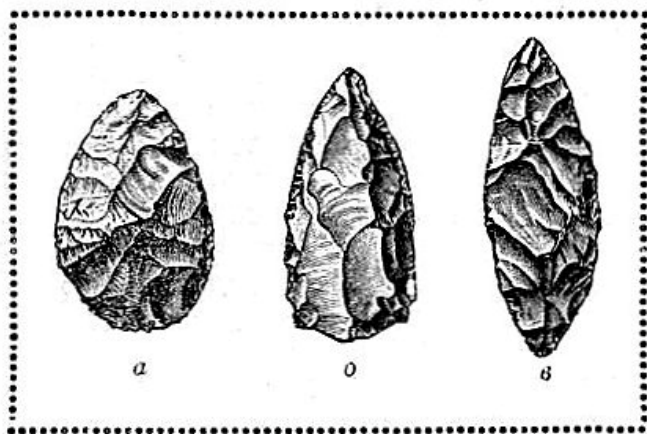
крепленного лыком к стволам молодых дубков, послуживших стропилами и основой. Немного поработал над этим жильем человек, но и это небольшое было достаточно для него, еще не имевшего понятия ни о чем лучшем. Его мозг был еще слишком слаб, чтобы представить и измыслить лучшее, когда вся жизнь выражалась в вечной борьбе за существование.

Золиты — самая первая орудія человека въ начальный періодъ каменнаго вѣка.

Как ни просто было обиталище лесного человека, тем не менее видно было, что его сработало существо, привыкшее уже мыслить и рассуждать. Глиняная постройка бобра или хитрая нора крота, быть может, была построена искуснее, чем берлога тогдашнего человека, но исследователь отличил бы сразу работу зверя от труда разумного существа. Естественно образовавшаяся яма была обложена, углублена и расширена; края ее, обрезанные прямолинейно, местами скрепленные камнями, укрепляли к стати и стропила, крепко вколотенные в землю там, где не было затенявших их дубков; пол был устлан толстым пушистым ковром из лесного серого мха, образовавшим настоящую постель, а стены изнутри были обделаны лапами елей, с прослойками мха и рядами ветвистых сучков. Некоторые из

кольев, служивших опорой жилища, были грубо обрублены или оббиты, и эта искусственная оббивка, легко отличавшаяся от отделки звериным зубом, несомненно указывала на дело рук разумного существа. Еще несомненное это доказывало сложенное из полуопаленных камней в одном углу ямы подобие очага, на котором курились несколько сучков дуба и ольхи, наполняя легким чадом атмосферу человеческого жилья. Огонь, — дар, по сказанию древних, принесенный первобытному человеку с неба еще Прометеем, — был уже знаком нашему дикарю, и он с помощью этой могучей стихии мог уже предъявить свои права на владычество над землей.

Кремневая острія каменнаго вѣка.

Кроме нескольких звериных шкур, костей и других остатков пищи, не было ничего в жалком обиталище дикаря, который, видно, еще недавно пришел в эту страну, не успев даже обзавестись хозяйством.

Залезши в свою берлогу, семья лесного человека была уже под защитой крова; ей не страшны были ни ливень, ни гроза, ни буря, напрасно надрывавшиеся в необозримом лесном, частью выжженном просторе. И он, и она, и оно были у себя на дому, вокруг своего очага. Пусть теперь еще свирепее льются потоки дождя, стонет буря и грохочут гро-

мы, — человек только крепче закутается в теплую шкуру, глубже зароется в мох и листву и своей животной теплотой согреет и себя, и свое беспомощное дитя...

Рано утром, еще при первых лучах восходящего солнца, проснулась человеческая семья; младенец первым закопошился в шкуре, ловя грудь матери; за ним проснулась и она и ее муж. Утренняя свежесть еще давала себя знать, несмотря на то, что лес уже пел сотнями голосов невидимых птиц и, закутавшись в синеватую дымку утреннего тумана, уже золотился по верхам разноцветной каемкой.

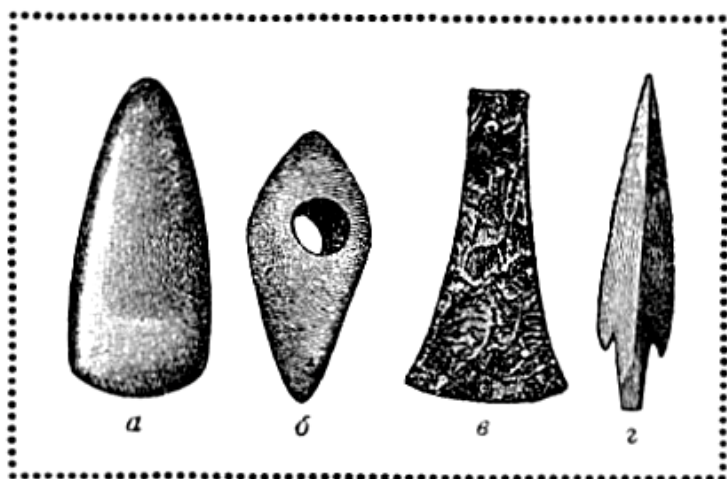

Топорища и молоты каменного вѣка.

Глава семьи, вылезши из своего насиженного местечка, из-под целого вороха шкур и мха, вынул из-под себя два кусочка сухого дерева, заблаговременно приготовленных, и с быстротой, невозможной для пальцев наших культурных рук, начал их тереть один о другой, между тем как жена его складывала небольшую кучку сухого мха на очаге из камней. Не прошло и нескольких минут, как трущееся дерево задымилось, а затем вспыхнул огонек, который воспламенил и мох, и сухие листья на очажке, обложенном свер-

ху сучьями и камышом. Он согрел семью лесного человека, и даже ребенок, высунувшись из своей шкуры, протянул голые ручонки к весело играющему пламени и начал выражать свое удовольствие в то время, как отец его приготовлял завтрак. Целое бедро дикого оленя было предназначено для этого и подверглось предварительно тщательной обработке; положив его на большой плоский камень, служивший вместо стола, лесной человек кусочками кварца и кремня, представлявшими с одной стороны заостренный округлый край, начал скрести остатки кожи, снятой заранее, а также излишние слои жира. Сделав это, он взял тяжелый каменный топор, весьма тщательно сработанный и доставшийся ему по наследству от деда и отца, и этим разделил бедро на несколько меньших кусков. Приготовленное таким образом мясо он прополоскал несколько раз в реке, что текла в десяти сажнях от жилья, и воротился как раз в то время, когда на очаге уже пылал большой огонь, не только согревший жилье, но и успевший даже накалить камни, составлявшие очаг. С помощью двух длинных, обугленных на конце палок, хозяин подвинул еще два-три камня к огню и положил на них куски мяса, по временам поливая его водой из грубой посуды, сработанной из куска дерева. Через несколько минут приготовление пищи было окончено, — и семья, наконец, жадно принялась есть.

Ни вилок, ни ножей, ни тарелок, разумеется, не было у первобытного человека: пальцы и зубы заменяли все. Лучший, самый сочный кусок муж предложил своей жене, и оба принялись за еду. Сильные челюсти и крепкие зубы работали так быстро, что ловкие пальцы не успевали подавать рту пищу, пожираемую им с жадностью, в которой сказывалось более звериного, чем свойственного человеку; само лицо первобытных дикарей, занявшихся едой, напоминало что-то нечеловеческое. Эта энергичная работа челюстей, благодаря которой порывисто двигалась вся нижняя часть физиономии до височных и ушных мышц, эта дикая жадность во взоре, как будто следившем за тем, чтобы добыча не ускользнула из глаз, это сложное движение рук и зубов, рвавших, раздиравших и размельчавших пищу, — все

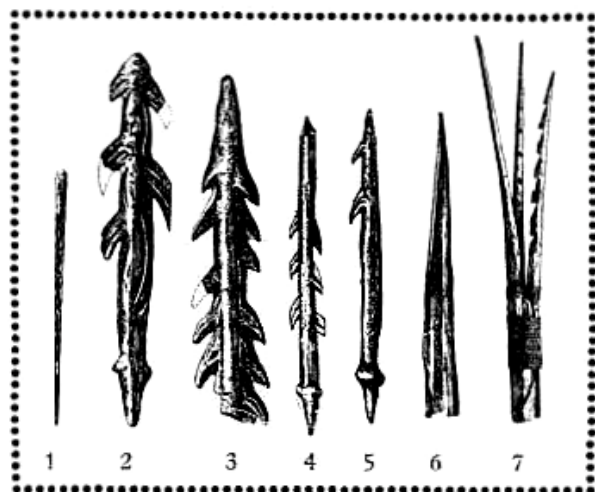
Орудія позднѣйшей каменной эпохи.

это напоминало более жратву проголодавшегося дикого зверя, чем завтрак человека, утренняя среди своей семьи, под кровом своего жилья. Капли сока и жира из полусырого мяса текли по губам, подбородку и груди едящих, обнаженные руки были покрыты кровавыми пятнами. Цивилизованный человек отвернулся бы при виде завтрака своего отдаленного праотца и предка...

Окончивши еду, семья начала свой рабочий день. Если мы опишем хотя один из них, мы будем иметь понятие о том, как проводила она всю свою жизнь, преисполненную борьбы за существование.

Глава семьи встал, выпрямился во весь рост и расправил могучие члены, на которых заиграли гибкие волны железных мускулов; поправив шкуры, полуспавшие во время ночи, и перевязавшись ремнем, — длинным куском кожи, еще хранившей остатки шерсти, — он был готов выступить из дому, чтобы в поте лица своего добыть хлеб себе самому и своей жене. Чувство не то довольства, не то гордости или суровой непреклонности разлилось на его полудиком лице, когда он взял в руки свою тяжелую пудовую палицу и заткнул за пояс два грузных каменных топора, которых кремневые рубила были прикреплены лыками к дубовым

рукоятям. В левую руку охотник взял длинное копье, которому наконечником служил острый камень, обточенный в форме клина, а рукоятью — дубовый кол с расщепом, где острое было укреплено при помощи лыка и жил. Владея этим первобытным, но страшным оружием, человек чувствовал, вероятно, свою силу и, гордый крепостью своих мышц, готов был смело идти навстречу всем чудовищам леса.

Орудія каменнаго вѣка.

1) Костяная игла, 2 и 3) гарпуны изъ оленьяго рога, 4 и 5) наконечники стрѣлъ, 6) костяное шило, 7) костяной наконечникъ копья эскимосовъ.

Снарядившись совсем, охотник быстро исчез в чаще дремучего леса, следуя по течению ручейка, где были расставлены его немудреные сети.

IV

Недавно пришел человек в девственные дебри; недавно еще они огласились звуками человеческого голоса, тогда как доселе рев диких зверей, стоны сов и веселое щебетание птичек было их единственной песней. Несмотря, однако, на недавний приход, первобытный человек, охотник по преимуществу, уже успел раскинуть свои охотничьи ловы. Нехитры они были, как нехитер был и сам человек, вложивший всю свою изобретательность в придумывание способов ловли дикого зверя, доставлявшего ему пропитание. В двух-трех местах он ухитрился выкопать глубокие ямы, на дне которых натывал острых, обожженных с конца кольев, а сверху покрыл их тонкими зелеными сучьями и свежей травой так, что придал всей западне вид, не внушавший подозрения животным, не напуганным еще охотником. Этой немудрой хитрости было вполне достаточно, и добыча легко попадала в руки искусного ловца, тем более, что западни были поставлены как раз на звериных тропах, которыми любят проходить звери, проторив их в дебрях раз навсегда.

Надо было видеть охотника в те моменты, когда он подкрадывался к яминам, словно боясь спугнуть дорогую дичь. Неслышными, тихими шагами, ступая осторожно, как кошка, подражая ей в самих движениях, с искрящимися дикой страстью глазами, он пробирался через чащу, в правой руке держа наготове копьё, а в левой — палицу, словно идя на бой со зверем, словно готовясь нападать. Но на этот раз напрасны были предосторожности: зеленый покров ямины был свеж и нетронут, — зверь счастливо избежал гибели.

Неудача охотника была, однако, скоро вознаграждена, и другой род засады изловил нехитрого зверя. Высокую, тонкую, гибкую, как пальма молодую березку догадливый охотник умудрился пригнуть к самой земле, где и прикрепил широкой петлей лыка, надетой на крепко вбитый колышек; строя такую западню, ловец рассчитал, что, когда зверь, не догадываясь о кознях человека, побежит мимо по

тропе, то необходимо заденет ногой петлю, сорвет ее с колышка и тем заставит распрявиться березку, которая силой своей упругости потянет с собой животное, а тяжесть последнего затянет наглухо и петлю. Эту нехитрую западню охотник умудрился поставить также на самой тропе и смастерил так ловко, что зверь попался на другой же день. Охотник, видно, хорошо выследил ту тропу, которой ходило каждый вечер к реке стадо молодых оленей, и пристроил свою петлю как раз в том месте, где необходимо было скучиться животным. Расчет оказался верен, — и молодой олень заплатил за неосторожность своею жизнью.

Когда подходил охотник, олень был еще жив; гибкая березка, ухватив его за заднюю ногу во время стремительного бега, не могла, однако, поднять на воздух такое значительное животное, а только приподняло его немного от земли, причем переломила ногу. Бедное животное сильно страдало; крупные слезы выступали в углах его красивых темных глаз; оно неистово билось в своих путах, рыло землю передними ногами и рогами и избило до крови морду и ноги; лыковая петля держала, однако, крепко, и захваченная нога сильно отекала и была парализована.

Когда прошли первые порывы радости, охватившей охотника, последний приступил к свежеванию и обработке убитого зверя. Несколько взмахов тяжелого каменного топора отсекали лапы от туловища, с которого охотник принялся снимать шкуру. Нелегка была эта операция для человека, вооруженного лишь одними каменными орудиями; как ни остры были кремневые ножи, но их лезвия не были так удобны, как лезвие металлического орудия. Часто обламываясь по своей хрупкости, тонкий оббитый край каменного ножа, служивший лезвием, требовал новой тщательной оббивки, которую и не ленился производить охотник среди своей работы при помощи двух увесистых кремней, служивших ему в одно и то же время рубилом и точилом. Осторожно приподняв складку кожи и подрезая фасцию краем камня, охотник принялся отдирать шкуру, начиная с головы и постепенно подвигаясь к обрубленным по щиколотку лапам. Покончив с этим делом, лесной человек сильными

ударами топора начал обрубать лучшие части мяса животного, которые и отбирал к стороне. Много прошло времени за этим занятием, но в те времена жизнь человека не была еще распределена по часам, и он работал, не считая времени, пока не оканчивал своего труда или не падал, наконец, от изнеможения.

Костяные предметы древних пещерных обитателей: 1) игла из трубчатой кости лебедя, 2 и 3) просверленные для подвешивания лошадиные зубы, 4) тоже из челюсти дикой кошки.

Набросив затем дымящуюся шкуру на плечи и взяв очищенную голову в руки, счастливый успехом, охотник потащил трофеи к своему жилищу. Диким криком радости встретила его, обремененного добычей, жена; даже ребенок, словно понимая и сочувствуя родителям в их радости, весело протягивал ручонки и улыбался, как только может улыбаться младенец.

До самого вечера продолжалась переноска кусков животного к жилищу лесного человека, который теперь был опять обеспечен в пище на несколько дней. Оба супруга теперь могли предаться покою на некоторое время. Некультурный человек, особенно охотник и номад, не имеющий

постоянной оседлости, мало заботится о будущем; если он сыт и доволен сегодня, для него не существует завтрашнего дня, он ленится и отдыхает до новой крайности, пока голод, — этот могущественнейший стимул природы, — не заставит его снова приняться за дело и удвоенной энергией и трудом наверстать потерянное время.

Еще не закатилось солнышко, как яркий костерок весело трещал перед жилищем нашей счастливой семьи, засевшей объедаться добычей рук своих. На закоптелых камнях, заменявших очаг, жарились и коптились огромные куски мяса, в то время как оба супруга занимались разбиванием трубчатых костей, из которых они с жадностью выпивали полужидкий мозг, составлявший для них род лакомства. Покончив с этим занятием и пресытившись пищей до отвала, и он и она, завернувшись в шкуры, крепко заснули...

Сон их, однако, на этот раз не был безмятежен: его нарушили волки, почуявшие запах свежего мяса и пришедшие отведать его. Глухой ночью в густой заросли кралась разбойничья шайка; злые глаза их горели фосфорическим блеском, а могучие челюсти, щелкая зубами, словно пережевывали воображаемую добычу; их фигуры, дышавшие хищничеством, слегка серебрились, облитые бледным сиянием луны. Соблазнительное мясо было близко; более прокопченные и прожаренные куски висели на деревьях; там же болтались и остальные части оленьей туши, и шкура, еще свежая, пахнувшая живой кровью... Вся осторожность хищников, правда, еще не знавших себе врагов в первобытном лесу, при виде близкой добычи сменилась дерзкою жадностью. С неистовым бешенством, презирая даже близкое присутствие человека, — которого они не могли не чувствовать, но не имели причин и бояться, — они принялись доставать манившие их куски мяса, подпрыгивая, рыча и визжа.

Наконец человек проснулся от непривычного шума и, как охотник, привыкший ко всяким происшествиям ночи, прежде всего схватил свою боевую палицу и два длинных копья, а потом осторожно высунул голову из шалаша и взглянул на то, что происходило около него. Пораженный увиденным зрелищем, с диким криком, подобным воинственно-

му клику африканских и австралийских дикарей, он выскочил из своей засады, пустив предварительно одно копьё в самую середину врагов. Шайка грабителей колыхнулась назад. Поджав хвосты и оскалив зубы, волки скорее с изумлением, чем со страхом смотрели на появившегося человека, фигура которого, вероятно, даже еще не была им знакома. Два могучих удара палицы, раздробившие черепа двум хищникам, осмелившимся приблизиться к охотнику, научили их уважать врага, но вид пролитой крови возбудил в них другие инстинкты. Со страшным ворчанием и лязганием зубов отступили волки назад, готовясь броситься на человека. В этот критический момент охотник, видя превосходные силы своих противников, счел более благоразумным отступить к своему шалашу, отмахиваясь дубиной, со свистом рассекавшей воздух. Ободренные отступлением врага, хищники возобновили наступление, и их оскаленные зубы готовы были, казалось, разорвать одинокого дикаря, не имевшего ничего для защиты, кроме палицы и кремневого копьё, но он успел спрятаться в шалаш. Толпой окружили тогда волки хижину, скрывающую от их мести врага, и приступили к осаде, тем более что из внутренности шалаша несясь тоже вкусный запах мяса и шкуры. В ночной тишине и безмолвии страшна была эта осада; слышно было лязганье волчьих зубов, старавшихся перегрызть сучья, составлявшие стены шалаша; порой острые морды хищников успевали втолкнуться в промежутки между балками, кусками дерна и валежником.

Сидя внутри своей хижины, и он и она слышали страшную работу своих врагов, готовившихся пожрать их самих, слышали лязг и щелканье зубов и хриплое злое ворчание животных, от ужасной деятельности которых колыхались стены жилища. Положение одинокой семьи было отчаянное. В это время проснулся младенец, проснулся и громко закричал, прося у матери груди. Молодая мать, несмотря на весь ужас своего положения, взяла плачущего ребенка и, прижав к своей полной груди, утолила его голод. Успокоилось дитя, весело улыбнулось и протянуло ручки сперва к матери, а потом к отцу, стоявшему у дверей своего шала-

ша, заложенных толстыми сучьями и ветвями, — готовым встретить палицей вламывающегося врага.

Между тем, возбужденные криком младенца, быть может, показавшимся им криком молодого ягненка или оленка, волки стали нападать еще энергичнее и злее, силы их как будто удвоились, а свирепость росла с каждым моментом. Запах мяса и человека возбуждал их голод и аппетит, а свирепые инстинкты и жажда свежей теплой крови говорили в зверях все сильнее и сильнее...

Несмотря на сравнительную неподвижность физиономии первобытных людей, эта последняя все-таки выдавала то, что у них было на душе. Прижимая ребенка к своей груди, молодая мать как-то испуганно глядела то на свое дитя, то на мужа, полная силы и энергии, готовая, как львица, защищать своего детеныша. Две глубокие складки, собранные на лбу, судорожно сжатые губы и глаза, мечущие искры, так изменили ее слегка побледневшее лицо, что его трудно было узнать. Не побледнел зато ее суровый муж, — дикий охотник, привыкший встречать опасности лицом к лицу. Правая рука его продолжала судорожно сжимать могучую палицу, готовую раздробить голову врага; крепко сжатые, словно у дикого зверя, бросающегося на противника, челюсти временами оскаливались, образуя резкие складки вокруг рта; густые брови, сведенные на лбу, оттеняли глубоко-впалые, сверкавшие диким огнем глаза, которые можно было сравнить с искрами, мерцающими во мраке ночи; волосы лесного человека, казалось, ерошились и вставали; двигались сами уши, прислушиваясь к ворчанию и царапанью хищников, старавшихся пробиться через крепкую стену шалаша.

Вдруг словно с неба ниспавшая мысль озарила охотника и преобразила его. Выпустив из рук своих палицу и копье, он отбросил в сторону тяжелый топор; с лица его сразу сбежало дикое выражение, и что-то похожее на злую радость озарило его, сгладив морщины на лбу и оттянув складки около углов рта. Односложное, короткое, как хлопанье бича, дикое, как вой зверя, восклицание вырвалось из полуоткрытых губ, но в нем слышались скорее радость и до-

вольство, чем испуг или ужас. Жена поняла мужа, поняла, казалось, саму его мысль, когда он бросился к противоположному углу хижины, где были сложены сухие смолистые сучки елей. Положив ребенка на мягкий мох, она схватила два кусочка дерева и начала тереть их один о другой с такой энергией, как будто в этом заключалось спасение их семьи, — зависело ее существование.

Отец, между тем, готовил большие сучья и кусочки старого трута. Через несколько минут задымилось дерево, еще минута, — вспыхнуло желтое пламя трута, и живой огонек пробежал по кучке мха, прохватывая ее насквозь. Ярко запылали затем смолистые сучья и, словно факелы, озарили багровым светом внутренность хижины.

Схватив их в правую руку, с тяжелой палицей в левой, сверкая очами, блиставшими на огне, с диким криком выскочил из своего шалаша охотник на борьбу с звериной силой. Огненный отблеск смоляных факелов пробежал вокруг, освещая багрово-желтым огнем и поляну, и хижину, и близ стоящие деревья, и кучку волков, толкавшихся вблизи...

Шарахнулся в сторону испуганный зверь при виде неожиданного зрелища; блистающий огненный враг с пламенным оружием был слишком ужасен для тех, которые никогда не видели ничего подобного в первобытном лесу. Стихийная сила огня была непобедима для зверя, превосходила все то, что он мог себе представить; и он бежал перед огненным чудовищем, как не бежал, быть может, никогда... Один-двое из волков пытались из любопытства или от злости подойти поближе. Страшной пастью, вооруженной двумя рядами острых зубов, они хотели пожрать сам огонь, но бороться со стихиями суждено только человеку, все остальное должно трепетать перед ним... Обожженные насмерть звери упали на землю и, уткнувшись изуродованными мордами в росистую траву, страшно завывали, потрясая ночную тишину леса громкими криками боли и мучений.

Человек торжествовал...

...Десятки зверей бежали перед человеком, вооруженным силой стихии, подчинившейся его уму; человек побе-

дил еще раз грубую физическую силу, поразил могучих врагов один — при помощи разума, который дал ему перевес даже над косными силами природы.

Спокойствие ночи, нарушенное так ужасно, вновь затем возобновилось; опасность была забыта, и утомленный человек заснул в своей хижине, еще более уверенный в своих силах, еще более счастливый не столько победой, сколько тем, что нашел новое ужасное оружие, с которым ему не страшны теперь никакие чудовища таинственного дремучего леса...

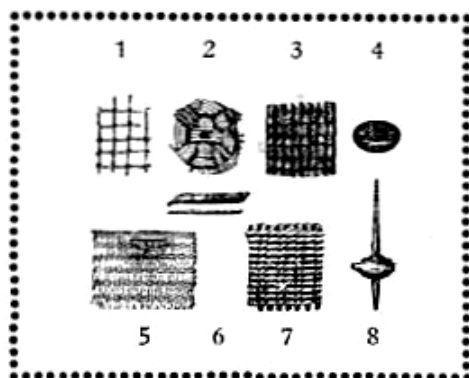
Чуть забрезжилась заря, человек был уже на ногах, хотя спал спокойно всего несколько часов. С чувством, понятным только охотнику, он окинул радостным взором поле своей ночной борьбы и трупы разможенных и обгоревших врагов. Полюбовавшись на трофеи победы, он оттащил трупы погибших волков подальше от жилья в кусты и по возможности изгладил следы борьбы, исправив стены своего шалаша, пострадавшие при неожиданном нападении стаи лютых хищников.

Солнышко было уже довольно высоко, когда охотник, покончив с этим занятием, принялся за обработку сырых материалов вчерашней охоты — обделку шкуры и костей убитого оленя. Вместе с женой он усердно предался этому делу, в котором выказал все свое искусство и умение обращаться с самыми первобытными орудиями, выделанными им самим из камня, дерева и кости.

Разостлав шкуру на земле и укрепив ее большими камнями по углам, он принялся небольшими, полукруглыми, заостренными с одного края камешками, похожими на скребки, скоблить внутреннюю сторону кожи, стирая мезгу и поливая ее время от времени водой для умягчения. Еще совсем сырая шкура поддавалась легко, и работа шла успешно... Молодая женщина тем временем растирала и мяла рукою в глубокой деревянной посудине жидкий жир, добытый из того же самого животного; этим жиром она увлажняла кожу, втирая его для того, чтобы эта последняя и по обработке сохранила известную степень мягкости.

Через несколько часов обработанная шкура оленя была уже совсем готова; два-три удара острым кремнем пробили по краям дыры, через которые были продеты свежие лыки для того, чтобы привязывать и скреплять одежду на теле человека. Из остатков кожи охотник умудрился еще смастерить грубую обувь для жены, что он сделал прямо на ноге супруги; обернув ступню обрезком кожи, хитрец загнул эту последнюю на подъем, а потом продел по краям

ее отверстия при помощи остроконечного кремня, служившего ему наконечником метательного копья; в эти дыры он продел обрывки крепких сухожилий из голени оленя и, завязывая узел у каждого отверстия, скреплял края импровизированных башмаков. Подобные приемы были уже большим шагом вперед в деле житейской техники, но все-таки приложить искусство *первобытного шва* к одежде и покровам своего тела дикий охотник еще не сумел.

Каменный вѣкъ: ткани, веретенное кольцо и веретено изъ швейцарскихъ свайныхъ построекъ. 1) Сѣтъ, 2) плетение для корзины, 3) циновка, 4) веретенное кольцо, 5) ткань, 6) веревки, 7) пряжа, 8) веретено съ кольцомъ.

Прозанявшись все утро со шкурой убитого оленя и закусивши потом вплотную, до отвала, как только может есть дикий человек, наш охотник и его достойная жена завалились спать, не заботясь ни о комарах, ни о жигалках, немилосердно жаливших им руки, лица и открывавшееся при движениях тело. Перед сном, однако, молодая мать омыла своего раскричавшегося ребенка прямо в реке и утомонила на своей груди. Все заснуло тогда в одинокой землянке человека. Над головой его лишь томно куковала кукушка, насвистывал свою монотонную песню черный дрозд, а порой звучно колотил в дерево крепким носом большой черный дятел.

И день, и вечер, и зарю проспала утомленная утренней работой семья; не разбудили ее ни громкие крики лесных быков, ревавших на заре, ни звонкие крики иволги, ни трели малиновки, ни чудная песнь соловья, который надрывал свое горлышко в кустах над рекой, рядом с жильем человека. Наступила ночь — тихая, теплая, ароматная и сырая; потянула с реки струя свежего ветерка, зашумел говором ночи могучий лес, застонала в нем серая неясность, завопил филин-пугач, где-то крикнул звонко, словно в трубу, молодой олень, да забрехала хитрая лисица, — и опять все тихо, чудно, все манит к покою и приятному отдохновению.

Некультурный человек, едва он удовлетворил свои насущные потребности, едва заглушил сегодняшний голод и прикрыл сырой шкурой грудь, уже не способен работать; как наевшийся до спячки змей, он будет нежиться и отдыхать, пока голод не заставит его очнуться от нирваны ничегонеделания. Удовлетворенный вполне удачей, и наш дикарь блаженствовал и отдыхал, пока хватало оленьего мяса, пока у берлоги его лежала целая куча ракушек, уже начавших разлагаться. Только побеждаемый голодом, проснулся человек от своей неги и вышел из нирваны, чтобы опять удовлетворить насущную потребность, собирать запас для своей семьи — и снова погрузиться в покой и ничегонеделание.

Проснулся первобытный охотник и вышел в дремучий лес к своим ловам и западням. Искусно сделанные петли на этот раз не принесли ничего, но зато яма с набитыми острыми кольями на дне вознаградила охотника. Могучий бык, блуждая по лесу или пробираясь к водопою по звериной тропе, по неосторожности ступил на обманчивую зеленую покрывку хрупких ветвей, предательского мха и зелени и упал на острые колья, убившись сразу до смерти. Целая гора мяса, шерсти и, вдобавок, острые рога были трофеями удачливого ловца. Толстая шкура быка была еще прочнее кожи оленя, сочного мяса было чуть не вдвое более, а крепкие рога, будучи приделанными к дубовому суч-

ку, становились страшным оружием в руках того, кто умел им управлять.

Ученый изслѣдователь въ одной изъ ловчихъ ямъ.

Редко такая крупная добыча попадалась в руки хитроумного охотника, а потому и немудрено, что он бешеными скачками, диким криком и подбрасыванием своей палицы кверху выражал чрезмерную радость. На целый день бык доставил работы охотнику и его жене, которые, буквально купаясь в крови и жире, работали в самой ямине, не имея возможности вытащить тяжелую добычу. Сколько вкусно-го мозга выпили они во время своей трудной работы, ско-

лько сочного мяса было вырублено в один счастливый день! Опять на несколько дней обеспечено безбедное существование человеческой четы.

На этот раз удачливый охотник распорядился умнее и вместо того, чтобы дать свободно загнивать мясу в углу своего жилища, он, разрубив мясо на небольшие кусочки, повесил эти последние при помощи лыка на сучьях деревьев. Новой удачей увенчалась эта попытка. На жгучих лучах солнца мясо выделяло свой лишний сок и засыхало, не теряя своих питательных достоинств. Случайно сделанное открытие повело к усовершенствованию способа сохранения пищи, а через несколько дней после того, как охотник испробовал вкус сушеного на солнце мяса, он прибегнул уже и к помощи огня для того, чтобы вернее сохранить впрок излишний запас мяса.

Это открытие, как и все мелкие открытия в обиходе и житейской технике первобытного человека, кажущиеся для нас ничтожными, имело на самом деле огромное значение, внося в жизнь не только некоторый комфорт, но и полезные применения, облегчавшие для человека страшную тяжесть борьбы за существование; подобные открытия имели огромное значение для первобытного охотника, жившего в то время, когда зверь еще царил над миром, а венец создания должен был ежеминутно трепетать за самую свою жизнь.

Но далеко не всегда удача сопровождала замыслы и предприятия первобытного дикаря, далеко не всегда он с помощью своего нехитрого ума и младенческой культуры мог побеждать своих врагов и добывать себе пищу без большого труда; удача была очень редка, и подчас вместо нее сама смерть под всевозможными видами заглядывала прямо в глаза предприимчивому охотнику. Немало сгибло людей в борьбе со зверем, прежде чем последний уступил свое первенство, и, вероятно, естественная смерть реже постигала первобытного охотника, чем гибель под когтями и зубами страшных хищников, населявших тогдашние дремучие леса.

Не всегда тяжелая палица, каменный топор и копьё могли помочь человеку в борьбе с таким зверем, перед которым нередко отступает даже современный охотник со своим превосходным оружием. Кто бывал хотя раз на медвежьей охоте, не говоря уж об охотах на тропических зверей, тот поймет, что одной палицей, топором или дротиком немного поделаешь в одиночной борьбе с могучим зверем. Первобытный человек не мог обладать такой чудовищной силой, чтобы своей дубиной раздробить крепкий череп медведю, быку, зубру, лосю, не говоря уже о мамонте, носороге, пещерном льве и других чудовищах, с которыми приходилось состязаться человеку в первые периоды его существования. Кто представит себе страшную силу и количество зверя, выражавшееся сотнями и тысячами особей для данной местности, тот бесконечно удивится еще тому, как мог он спасти себя и свою культуру среди тысячи опасностей, среди многочисленных врагов. Не спасли его ни бесконечная плодovitость, как спасает она от вымирания другие существа, обреченные бороться с тысячами случайностей, ни отчаянная храбрость, ни жалкое оружие, ни счастливая находчивость, ни даже подбор, — а спасли и сохранили человечество его природный прогрессирующий ум и социальная жизнь, умножившая до бесконечности одиночную слабую силу.

Так боролся доисторический человек за свое существование с могучей звериной силой, сражаясь с ней столько же для добывания пищи, сколько и для самозащиты. Порой он уступал превосходной силе, когтям, зубам, рогу или клыку, но в общем все-таки победа была на стороне человека; разумная, хотя и сравнительно слабая, сила брала верх над могучей физической. Разум помогал человеку не только побеждать и одолевать, — что было необходимо для успеха его борьбы за существование, — он учил его также добывать пищу и помимо зверя, готовить ее впрок, совершенствовать свое жилье, одежду и орудия домашнего обихода. Разум, воля и настойчивость скоро помогли человеку покорить и воду, как он уже начал покорять и землю и лес. Нам никогда не узнать, как начались первые шаги человека на

поприще водной стихии, но начались они давно, — во всяком случае, в той еще стадии его развития, которую мы описываем под названием первичной.

Неискусен был человек каменного века ловить рыбу, но все-таки можно думать, что он пользовался и ею. В маленьких лесных речонках рыба ловится сравнительно легко, а среди лета ложбины их местами пересыхают до того, что при переходе чрез это мелководье рыба застревает в грязи, и ее тогда можно ловить голыми руками. Наш охотник, вероятно, не раз во время своих блужданий по лесу пользовался этим случаем и имел возможность получить к обеду свежую рыбу, не говоря уже о пресноводных моллюсках, которых целые кучи доставляла ему каждая речонка.

Костяной рыболовный
крючок каменного вѣка.
Найденъ въ южной
Швецїи.

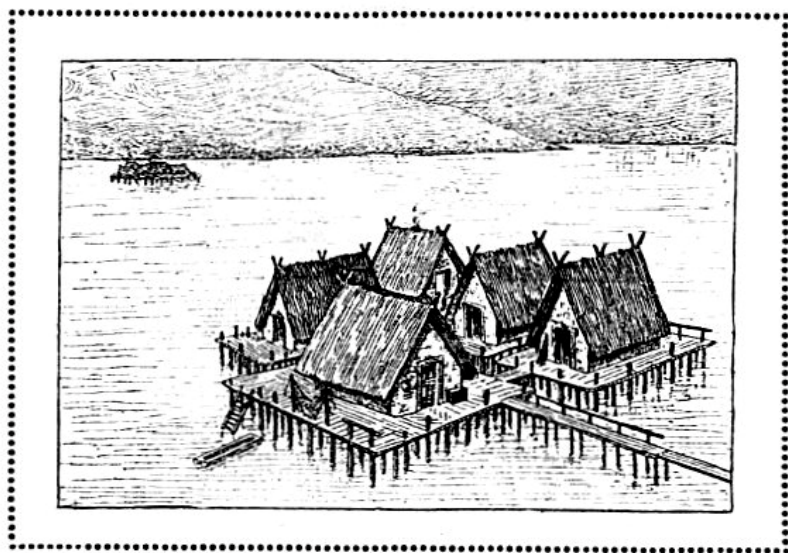
Не раз, сидя на берегу той или другой речонки или ручейка, купаясь в них или приходя сюда за водой, первобытный человек делал исподволь различные наблюдения, которые, ложась одно на другое в его восприимчивом уме, незаметно вели этот последний к открытиям и изобретениям. Видел, например, человек, как упавшее в воду насекомое старалось зацепиться за плывшую травинку, щепоч-

ку или сучочек и, держась за него, а не то и сидя на нем, плыло по течению и часто приставало к земле; видел он, как быстро плавала по воде птица, как ловко и свободно передвигала она лапками, отгребая воду и тем подвигаясь вперед; видел человек и многое другое, что творится на вольной водной струе, — и все это приводило его наблюдательный ум к мысли приложить свои наблюдения на деле и к самому себе. Если насекомые и другие животные плавают по воде, держась за кусочек дерева, то отчего же не плавать по ней и человеку при помощи того же дерева?! Не одну, быть может, палку или ствол молодого дерева переменил, однако, человек, прежде чем достиг того, что определил приблизительно тот размер куска дерева, который мог держать на воде его тело.

Наконец, он связал лыком, тростником и лозой несколько стволов и сучьев и смастерил таким образом первобытный плот. С помощью этого примитивного снаряда для плавания человек уже почувствовал себя хорошо и на воде, по крайней мере, на тихих, небольших водных вместилищах — речонках, болотах и озерах. Область владычества человека стала, таким образом, шире, а с ней расширился и его кругозор, и сами условия существования стали несколько иными. Уже при помощи того первобытного плота, какой мы сейчас описали, человек вполне безопасно мог совершать свой путь через самые дремучие дебри леса, следуя не только звериными тропами, но и естественными путями — речками и ручейками, которые гораздо удобнее и скорее приводили его в самые глухие чащи, где о человеке до тех пор не было еще и помину.

Вернемся теперь к нашему первобытному охотнику и его семье, — к той именно поре, когда он достиг того, что мог двигаться на воде, понял и приложил к делу всю выгоду своего полезного открытия. Новое средство не только для жизненной борьбы, но и для самозащиты явилось теперь у него под руками. Нетрудно было понять ему, — вечному охотнику и лесному бродяге, — что, поставив свое жилье на острове, среди воды, он сделает его безопасным от нападения всякого зверя, и случаи, подобные описанной

выше осаде волков, будут устранены навеки. Остров, суживая ближайший кругозор, так сказать, определяя естественно ближайшую сферу ведения человека, явился, таким образом, его собственным уголком, неотъемлемым владением, на пользовании которым установилась, так сказать, идея права собственности... Позднейшие свайные постройки были только развитием мысли древнего человека строить свои жилища на воде, чтобы обезопасить их от наземных хищников и врагов. Итак, человек, до сих пор живший на берегу речонки, поняв все удобства жизни на острове, решился

Видъ свайныхъ построекъ на озерѣ.

перенести туда свое жилье и там утвердиться в большей безопасности. При помощи плота это сделать было нетрудно, и новое обиталище, на которое и он, и она положили все свое старание, было не менее, если не более, прочно и крепко, чем их прежнее насиженное местечко. Весь скарб, оружие и незатейливое хозяйство были перенесены на островок, и для человека начался новый род жизни.

Обезопасив себя от нападения диких зверей, первобытный человек мог теперь направить все силы свои, физические и умственные, на предметы более полезные, чем вечная борьба из-за шкуры с чудовищами леса. Словно червячок в коконе, день ото дня пробуждалась в нем индустрия, и человек быстро шел по пути прогресса. Если мы взглянем на его жизнь спустя немного лет после перенесения человеческого жилья в безопасное место и изобретения плота, мы уже увидим большую перемену сравнительно с прежним, когда зверь тревожил человека в самом его жилье. Случай и наблюдательность научили многому нашего отдаленного предка, а способность быстро усваивать и применяться к обстоятельствам помогла ему приложить свои наблюдения к делу, и таким образом культура начала быстро облагораживать жизнь первобытного человека, с каждым шагом удалявшегося от жизни дикого зверя.

VI

Само жилище человека усовершенствовалось в эту эпоху. Ряды вбитых толстых кольев представляли крепкую основу его стен, которым не страшны были нападения зверя, а толстые пучки мха, законопатившего пазы, сделали усовершенствованное жилье недоступным и для движений атмосферы. Довольно высокий валик земли окружал основание шалаша, а густо воткнутые в него сучья деревьев, местами проросшие, составляли его вторую, внешнюю стену. Сырой низ шалаша был устлан также рядами сучьев и ветвей, на которые был положен толстый слой мягкого мха, так что явилось некоторое подобие настоящего пола, устланного пушистым ковром. Так же искусно и прочно была сработана крыша, на которую пошел весь строительный материал, бывший в распоряжении человека; и колья, и ветви, и тростники, и мох, и даже камни — все соединил он искусной рукой для того, чтобы придать прочность этой важнейшей части жилья. Кстати, около того же времени новый счастливый случай далеко подвинул человека на пути прогресса и, можно сказать, составил эру в его жизни, в смысле культурного развития.

Наблюдая однажды над ласточками, искусно лепившими себе гнездышки из глины под защитой крыши шалаша, наш охотник напал на мысль, что и он мог бы, подобно птичке, укрепить свое жилье при помощи глины. Весь берег островка, где он обитал, был богат глиной и, когда человек пришел туда с целью познакомиться со свойствами последней, он увидел десятки маленьких сизокрылых птичек, собиравших здесь материал для своих гнездышек. На месте нетрудно было уже сделать наблюдение, что только с водой твердая глина может давать пластическую массу, годную для постройки. Скоро разумный человек понял дело и не только стал подражать птице, но и перещеголял ее.

Через несколько дней жена, уложив улыбающегося ребенка под тень нависшей ивы, стала сносить глыбы глины к воде, где и подвергала их действию набегающей струи

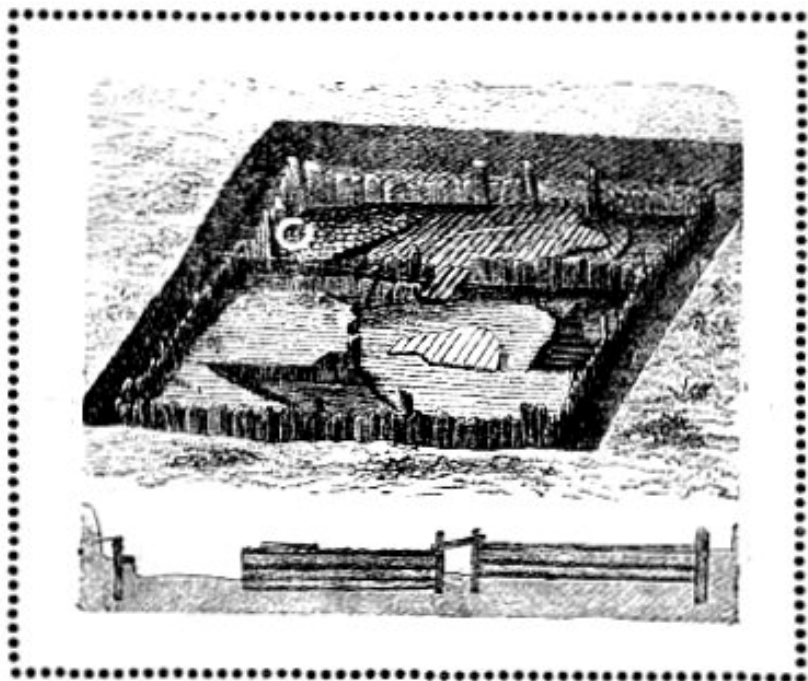
воды, тогда как муж носил размягченные куски глины к своему жилью и там, разделив их при помощи своего топора на меньшие порции, укладывал по стенам своего шалаша, скрепляя таким образом при помощи глины его внешнюю настилку из сучьев и тростника.

Быстро сохла на жарком солнце новая покрывка, одевшая отовсюду ровной корой человеческий шалаш, и хозяин его с радостным взором любовался на новое свое изобретение, помогшее ему еще лучше и прочнее приспособить свое жилище к сопротивлению атмосферическим невзгодам. И чем тверже становилась глиняная покрывка, тем радостнее и светлее становилось на душе человека, сумевшего из земли и воды добыть себе такой прекрасный материал для постройки.

Укрепив стены своего жилья снаружи, заботливый хозяин скоро пришел к мысли обмазать глиной свой шалаш и внутри, превратив его подобным образом в такую же глиняную постройку, какую он не раз видал у бобра. Новые глыбы глины были отколоты от берега, вымочены в воде и, размягченные, пошли на обмазку стен жилища изнутри. Хотя это дело и не так спорилось, как сперва, когда выкладывалась внешняя покрывка, но все-таки после нескольких часов работы, которых и не заметили заработавшиеся супруги, их жилище было покрыто двумя слоями глины: и снаружи, и внутри. Оставалось только просушить внутреннюю обмазку. Но в этом и заключался вопрос, потому что благодетельных жгучих лучей солнца нельзя было провести во внутренность жилья.

Недолго, впрочем, думал и над этим вопросом человек, наученный жизнью и опытом мыслить и рассуждать. Уже давно, по опыту, пришел он к тому заключению, что огонь земной составляет отражение и, так сказать, подобие небесного огня — солнца, и эта идея была чрезвычайно плодотворна для него. Как заменил он жар костра теплотой солнечного луча при сушке мяса, так мог заменить он жгучую силу солнца жаром разведенного огня. Эта мысль быстро промелькнула в голове призадумавшегося над разрешением трудной задачи человека и он, не мешкая долго, на-

чал приводить в исполнение свою догадку.

Остатки свайной хижины каменного вѣка.
Внизу поперечный разрѣзъ постройки.

Большой костер, разложенный в середине только что промазанного изнутри жилья, своими огненными языками начал быстро лизать слои сыроватой глины, и через какие-нибудь полчаса пришлось уже потушить огонь, так как обожженные куски начали отпадать от стен и раскалываться. Опыт показал человеку, что надо осторожно обращаться с огнем при обжигании глины. Этот опыт достался ему ценой нового труда, так как пришлось немало поработать, чтобы залатать испорченные места и соразмерить силу огня до желаемой степени. Но «терпение и труд все перетрут», говорит пословица, и наш дикий охотник мог убедиться в этом сотни раз. Нелегко доставалось ему каждое завоева-

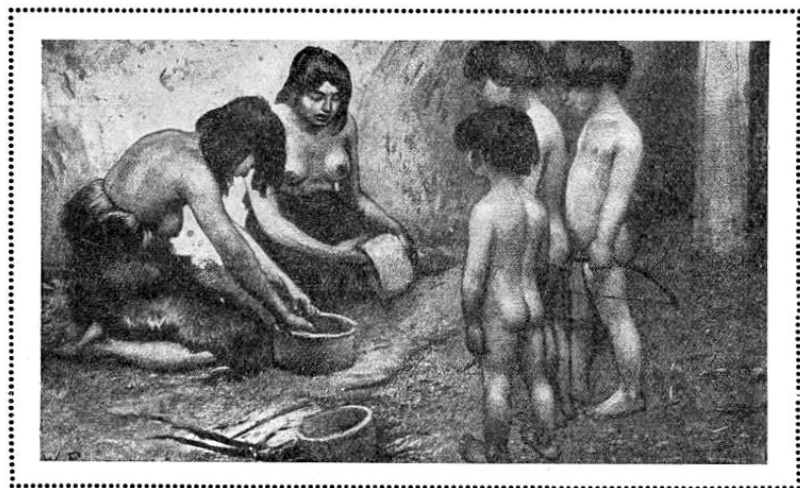
ние в области культуры, но зато приобретения его были тем более прочны, что они добывались ценой крови и пота, при напряжении всех сил, как умственных, так и телесных.

Опыт просушки внутренности хижины помог человеку познакомиться с действием огня на глину и познакомил его в деталях со свойствами последней. В голове человека, быть может, и тогда уже зародились новые идеи будущих открытий, новых применений соединения вязкой глины и огня, — и зародилась впервые мысль о приготовлении глиняной посуды.

До сих пор человек употреблял грубые подобию посуды из сырой, только обсушенной на солнце глины, в которой он мог, правда, хранить даже воду, но которая не выдерживала действия огня. Впрочем, и этот род посуды был изобретения позднейшего, современного или немного опередившего обмазку глиной шалаша; первой же посудой и утварью человека были грубые кусочки полусгнившего дерева, выдолбленные наподобие разнообразных вместилищ при помощи кремневых ножей, долота и топора. Быть может, опыт или случай показал человеку и другой способ приготовления деревянной посуды, заменивший кропотливое выскабливание. Могучий огонь и тут отчасти заменил ручной труд, потому что при помощи его легко вытравливались даже большие углубления в обрубке дерева.

Уже давно человек начал употреблять в своем обиходе каленные камни; они получались каждый раз при разведении костра, потому что очагом доисторическому дикарю служила груда камней, на которых он и приготовлял свою грубую пищу. Очень легко простой опыт или догадка показали ему, что, опуская раскаленный камень в свои первобытные сосуды с водой, он тем самым нагревал последнюю чуть не до точки кипения. Этим способом и до сих пор многие готовят кипяток, и даже у нас, на Руси, в наших дымных курных банях, большие котлы горячей воды приготовляются таким примитивным способом. Случай и опыт указали человеку и другое применение раскаленного камня. Упав на обрубок дерева, этот последний быстро обугливает его поверхность, причем обугленное место легко вы-

скабливается даже простым ножом или скребком, и таким образом представляется возможность делать значительные углубления даже в самом крепком дереве. Так, вероятно, был приготовлен первый челнок, выдолбленный из ствола дерева соединенными усилиями камня и огня...

Первобытные женщины за приготовлением глиняной посуды.

Итак, простая, выдолбленная, грубо обрубленная примитивными каменными орудиями или полученная при помощи обугливания посуда вместе с сосудами из необожженной глины составляли первую утварь человека до того времени, когда был сделан первый шаг или первый опыт приготовления посуды из обожженной глины. Не сразу дошел первобытный человек до осуществления своего изобретения, которым положил прочный устой в основу своей высшей культуры; как ни кажется оно незначительным на наш просвещенный взгляд, оно все-таки давало очень много и сразу подняло на несколько ступеней выше бытовую сторону человеческого существования.

Если мы перенесемся теперь своим воображением еще через несколько лет после того, как изобретено было обжигание глины, мы снова найдем большие перемены в

обиходе жизни нашего дикого охотника. Потребность в посуде возрастала быстро, с тех пор как был изобретен более удобный и практический способ ее выделки. Куски мяса, плоды, раковины и корни не валяются теперь по земле в ямах, а разложены по глиняным подобиям горшков, также как и вода, которую теперь не надо нанашивать постоянно, потому что она легко сохраняется в прокаленной на огне глиняной посудине. Если мы посмотрим только на тот грубый способ, который применяется первобытным человеком для выделки одного горшка, то мы скорее удивимся тому, что он понаделал все-таки такое множество их, чем будем упрекать его за то, что он не сумел еще достигнуть возможности делать значительную посудину.

Приготовление оружия, постоянно портившегося во время охоты, также хозяйственных орудий и предметов домашнего обихода — составляло предмет обыкновенных забот доисторического человека, принужденного самолично готовить эти орудия, как и заботиться о приобретении пищи. Строгого разделения труда в те отдаленные времена еще не существовало среди первичного человеческого общества; всякий обязан был удовлетворять сам свои разносторонние нужды, и потому нечего удивляться тому, что охотник и рыболов вне своих промыслов занимался разнообразной житейской техникой, в чем помогали ему и подрастающие дети и жена. Первобытный человек долгое время был разносторонним работником, и это одно уже изощряло его ум.

«Рассматривая разнообразные роды орудий, мы видим, — говорит один антрополог, — что они не были изобретены все сразу, внезапным провидением человеческого гения, но что они развивались, — можно сказать, — вырастали путем мелких, следовавших друг за другом изменений. Нередко орудие, сначала употреблявшееся для грубого выполнения работы нескольких родов, впоследствии изменялось в различных направлениях для выполнения нескольких специальных целей и, таким образом, давало начало нескольким различным орудиям. Таким образом, в истории орудий инструменты ремесленника не могут быть вполне отделе-

ны от оружия охотника или воина, потому что во многих случаях мы найдем, что как инструменты, так и оружие ведут свое происхождение от какого-нибудь более раннего орудия, которое одинаково служило и для того, чтобы дробить черепа и орехи, и для того, чтобы рубить ветви деревьев и члены животных и людей».

Посуда и предметы домашнего обихода, найденные въ пещерахъ первобытнаго человека.

Таким образом, например, простая палка или суковатая дубина первобытного дикаря мало-помалу превратилась в палицу и затем в булаву. Человек эпохи полированного камня уже употреблял немало усердия и даже искусства для того, чтобы приготовить это первобытное орудие. При помощи кремневых ножей, долота и топора он придавал не только более изящную форму своей палице, но сглаживал ее, делал насечки на ее рукояти и даже украшал ее примитивными рисунками.

Наш охотник, имевший под рукой больше дерева, чем камня, прилагал вообще особенное старание к выделке де-

Глиняный сосудъ неолитическаго
(позднѣйшаго каменнаго) вѣка.

ревянных орудий. Искусство в производстве деревянных изделий до сих пор сохраняется на севере России, среди обитателей безграничных лесов. Рано постиг человек возможность пользоваться огнем для обделки дерева, и потому мы не удивимся, что наш дикарь употреблял пламень как орудие, вместе с каменным ножом и топором. Поглядите, с каким усердием обжигает слегка на слабом огоньке свою массивную палицу этот старый дикарь, который руководил облавой, как очищает он при помощи острого кремня обугленные частицы и как он при этом двойном пособии режущего инструмента и огня получает красивую форму, насечки, аминь и нехитрые узоры, которыми впоследствии так будет гордиться. При помощи тех же двух пособий старый дикарь ухитряется из распиленных кусков дерева выделывать довольно глубокие деревянные чашки — прообраз тех деревянных изделий, которые достигли такого высокого совершенства в наше время. Распилка толстых деревьев достигается гораздо труднее для нашего дикаря, чем обделка готовых кусков дерева; небольшие камни, на остром краю которых сделаны зазубрины, и накалинные кремневые топоры служат для этой цели, но сколько трудов стоит разделение двух кусков дерева, которое ныне так легко достигается при посредстве небольшой стальной пилы!..

Дружно и споро идет работа мастера и его учеников; большие кости конечностей таких крупных животных, как бык, лось, олень и медведь, прежде всего распиливаются по длине острыми кремнями; утолщения костей — их головки и эпифизы — отделяются предварительно при помощи также первобытных орудий. Для облегчения распилки нередко, кроме пил, употреблялся еще кварцевый песок, который вместе с каменными клиньями позволял человеку делать даже длинные распилы. Водя по кости или рогу в одном и том же направлении рукой, вооруженной каменным клином, и посыпая борозду песком, а вероятно, и смачивая ее водой, доисторический человек довольно быстро и успешно производил распилку костей и рога, тем более, что он вел ее с двух противоположных сторон...

Приготовив надлежащие куски кости или рога, мастер продолжал дальнейшую их обработку при помощи особого рода точил или плиток из песчаника и сланцев; всего лучше годились для такой цели точила, сделанные из кварцевого песчаника, встречающегося повсюду в области великих озер. Сглаживая и обтачивая неровные поверхности костей, доисторический мастер при помощи подобного рода точил быстро и ловко готовил различные инструменты — костяные иглы и ножи, наконечники копий, дротиков и стрел, зубила и т. п. На этих каменных плитках производилось и шлифование кости, причем, без сомнения, употреблялась вода, а быть может, и свежий жир животных. Длинный и острый край песчаниковой плитки мог быть применяем с полным успехом и к вырезыванию, например, зубцов у гарпунов, заострений дротиков и даже к проделке отверстий в каменных и роговых изделиях.

Мастер особенно был искусен в придании красивой формы костяным инструментам и оружию, в особой его шлифовке и в выделывании правильных отверстий, при помощи которых эти орудия могли быть прикреплены к поясу или шее охотника. Если взглянуть пристальнее на некоторые изделия, вышедшие из этой первобытной мастерской, то можно проследить и линию узоров, окаймлявших широкие пластинки орудий. Узоры эти, в виде полосок, то-

чек и зигзагов, были произведены кремневыми шилами и ножами и важны для нас, как прообраз будущего граверного искусства. Кроме всевозможных орудий и предметов домашнего обихода, наш мастер умел выделывать из рога и кости и очень нравившиеся его клиентам различные украшения. По большей части они состояли из круглых или

Украшения изъ оленьяго рога и кости изъ швейцарскихъ свайныхъ построекъ каменнаго вѣка.

многоугольных, более или менее отшлифованных пластинок с нехитрыми узорами и отверстием, через которое продевались сушеные жилы или мочальная нить. Подобное ожерелье с нанизанными украшениями виднелось на шее многих из обитателей деревни, в особенности женщин, проявлявших до некоторой степени свое кокетство даже и в те отдаленные, почти совершенно чуждые эстетики времена. Мужчины носили гораздо чаще на шее ожерелья, составленные не из костяных пластинок, а из зубов и костей медведя, рыси и кабана; ожерелья подобного рода свидетельствовали об охотничьих трофеях и храбрости носившего их. Обработка костей и зубов для нанизывания их на ожерелья тоже составляла выгодный предмет для занятий доисторического мастера.

Не довольствуясь изготовлением наконечников для метательных орудий, наш мастер занимался и прикреплением их к древку, без чего было бесполезно самое лучшее копей-

Первобытный художник за работой.

ное острие. Прикрепление это чаще совершалось при помощи зацепа в палке, в который вкладывался изготовленный роговой или костяной наконечник, прикреплявшийся к древку сушеными жилами животных и мочалами, рано сделавшимися знакомыми человеку. Целая куча вполне снаряженных метательных орудий всякого рода лежала около хижины мастера, представлявшей своего рода арсенал. Среди различных метательных снарядов, хранившихся в хижине искусного мастера, наше внимание невольно обращается к тому страшному орудию, которое употребляется и доселе у дикарей Австралии и носит название бумеранга. Представляя род искривленного топора, это орудие имеет свойство на своем вержении на полете изменять направление и, достигнув цели, возвращаться к бросившему. Снаряды этого рода, производящие довольно сильное разрушительное действие, требуют особой ловкости для вержения и потому употреблялись лишь немногими записными охотниками, к числу которых прежде принадлежал и наш доисторический дикарь. Проводя постоянно время в устройстве различных орудий и в особенности метательных снарядов, наш мастер додумался и до многих других приспособлений. Так, он придумал особые копьеметатели, то действовавшие наподобие пращи при помощи особой короткой веревки с петлей для пальца, то направлявшие копья по тому же способу, каким отбрасывается мячик во время всем известной игры в лапту.

Все эти ухищрения, разумеется, были слишком примитивного свойства и не могли выдержать конкуренции с луком и стрелами, представляющими лучшие снаряды для вержения. Впрочем, изобретение лука, без сомнения, тоже восходит к стадии культуры, описываемой нами, так что люди, знакомые с полированными орудиями, употребляли и луки со стрелами из всевозможного материала. Всего чаще эти последние делались из приостренной кости или рога, причем тетивой служили сушеные жилы, а сам лук делался из куска гибкого дерева, легко приготавливаемого каждым охотником.

Если мы от мастерской роговых и костяных изделий, находящейся в самой деревеньке наших дикарей, отправимся на берег речки, протекающей невдалеке от этой последней, то увидим там фабрику другого рода, — изготовляющую различные каменные снаряды и орудия. Особой специализации труда здесь не видно; каждый старается, при обилии материала, валяющегося под ногами, приготовить себе орудие, необходимое для охоты, промысла или домашнего обихода, но если мы взглянем повнимательнее на изделия тех и других мастеров, то увидим значительную разницу в обработке орудий. Десятка два мужчин различного возраста, скинув свои одежды для удобства работы, сидят на берегу реки на корточках и обрабатывают сланцы и кремни, обильно валяющиеся на берегу. Большие сланцевые куски употребляются преимущественно для выделки более массивных орудий, — вроде молотов и топоров, тогда как кремни идут на изготовление наконечников, ножей и скребков. Сравнительно мягкие и легко раскалывающиеся сланцевые комки обрабатываются ловкими ударами каменных топоров, направляемыми привычной рукой. Получив, таким образом, в грубых чертах форму оббиваемого орудия, первобытный мастер продолжал дальнейшую отделку, стачивая камень о более твердые породы — куски гранита, гнейса или кварцита, встречавшиеся повсюду в виде многочисленных валунов. Эти своего рода неподвижные точила носят на своей поверхности следы многочисленных оббиваний и служат уж не для одного поколения; более мелкие куски той же каменной породы употребляются в качестве ударных орудий, целые кучи которых встречаются на всех фабриках каменных орудий доисторического человека. Орудие, обработанное тщательной оббивкой, при дальнейшем развитии культуры подвергалось еще более тщательной шлифовке, которая в наших странах велась на плитках кварцевого песчаника девонской системы. Употребление твердого песка и воды при этом процессе более, чем вероятно. При помощи всех этих приспособлений доисторический человек, не жалевший времени и сил для тщательной обработки своих орудий, получал те красивые формы поли-

рованных орудий, которые и доселе возбуждают наше удивление. Нередко, для облегчения труда оббивания, человек пользовался и готовыми шлифованными формами, которые представляли ему береговые гальки, обработанные водой. Они шли не только для приготовления молотов, но и долот, особенно гальки, вымытые из поддонной морены. При помощи тех же приемов, к которым доисторические мастера прибегали для пропиливания кости и рога, получалась пропилка и камней, причем кварцевый песок и каменные долота играли главную роль.

Резьба каменного века: 1) изъ янтаря. 2) наверху— изъ янтаря внизу—изъ кости, 3) изъ сталактита.

При помощи песка, заостренных тяжелых камней, а главное, сноровки и труда, первобытные мастера достигали искусства сверлить самые твердые камни. Многие из полированных орудий того времени представляют прекрасно сделанные круглые отверстия, полученные при помощи сверления. У одного из мужчин, работающих на фабрике каменных орудий, мы можем проследить и сам процесс просверливания дыр в каменных топорах. Держа в руках приостренное каменное долото, погруженное в небольшую кучку смоченного песка, покрывающего просверливаемую по-

верхность, первобытный работник вертит его с быстротой и силой, недостижимой для современного человека. Растираемый песок, вращаемое долото и протираемый камень визжат и скрипят под твердой рукой человека, но энергия его не ослабевает, несмотря на то, что пот катится градом с его волосатого лица. Целыми часами продолжается эта кааторжная работа, на которую едва ли способен был бы современный человек: наконец, упорство и труд одолевают сам камень; твердый сланец или кремнь протирается; в камне образуется сквозной канал, и первобытный дикарь уже торжествует новую свою победу...

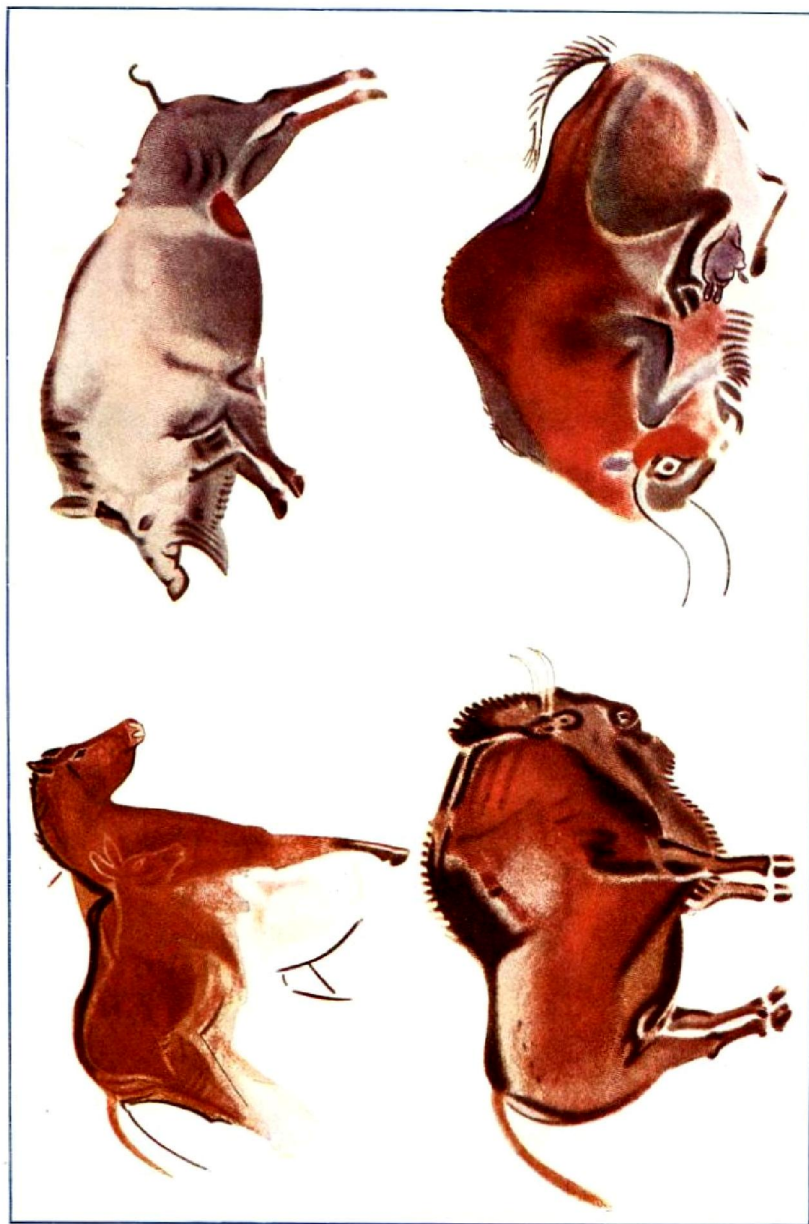
Рядом с тружениками, обрабатывающими сланцевые камни, небольшая кучка людей трудится над оббивкой кремневых осколков и приданием им формы тех или других полезных для обихода орудий. Все искусство приготовления этих последних из кремня заключается в умении откалывать заостренные с двух сторон кусочки или пластинки кремня. Первобытный человек, разумеется, набил себе руку в этом искусстве и умел так ловко направлять свои удары, что кремнь отваливался по желаемым плоскостям оббивания, что в особенности было необходимо для приготовления кремневых ножей, составлявших одно из важнейших орудий нашего дикаря. Форма ножей при этом способе обработки чаще всего достигалась продольная, с тупой спинкой и острым режущим краем. Последующей оббивкой эти ножи могли получать еще более правильную и изящную форму, за которой уже стали гоняться люди в эпоху полированного камня. Остатки, получавшиеся при обработке ножей, шли на разные другие надобности и по преимуществу на приготовление скребков, необходимых для выделки шкур, а некоторые длинные осколки могли служить и в качестве игл; чаще, впрочем, первобытный человек пользовался для приготовления этих последних костями позвоночных и рыб. Наконец, самыми мелкими кусочками острого кремня, получаемыми при подобной работе, наши дикари пользовались в качестве наконечников для стрел.

Как ни искусны были работники в выделке кремневых орудий, им все-таки не удавалось отполировать их; зато пер-

вобытный насельник северной России умел готовить прекрасные шлифованные орудия из глинистых сланцев (яшмовидного, черного и кремнистого), из диорита, кварцита и других твердых пород, принимающих полировку. Если мы присмотримся внимательнее к массе полированных орудий, приготовляемых на фабрике, устроенной везде знакомой нам деревне, то нас поразит та тщательность обработки, которая замечается в долотах, топорах, рубилах и наконецниках копий. Доисторический работник отделявал все эти орудия словно для того, чтобы показать, как можно достигать многого при отсутствии самых необходимых средств. И не столько необходимость, сколько потребность в эстетическом удовлетворении заставляла первобытного человека придавать такую красивую форму и тщательную полировку своему оружию и мирным орудиям труда. Само собой разумеется при этом, что и сама форма тех или других инструментов доисторического человека прекрасно соответствовала своему назначению.

Но оставим пока терпеливых тружеников, в поте лица своего оббивающих самые твердые камни и упорным трудом достигающих результатов, которым удивляются их отдаленные потомки. Как ни поучительна для нас картина мирного труда, но еще интереснее сцены, открывающие перед нашими умственными очами духовную сторону жизни первобытного человека.

Указанное выше стремление к возможно художественной отделке каменных орудий, попытки воспроизвести на них простейшие узоры, обычай носить ожерелье — все это указывает на то, что у нашего отдаленного предка эпохи полированного камня, помимо насущных потребностей, была и некоторая духовная сторона, удовлетворить которую он пытался по мере своих сил и возможности. Много из этой духовной стороны жизни зародилось у первобытного человека еще в период его одиночной жизни отдельными семьями и родами; еще больше развились духовные потребности с тех пор, как общественная жизнь усложнила условия существования человека, поставив его в известные отношения не только к семье, но и к общине, представляв-

Доисторическое искусство.

Дикая лошадь, кабанъ и бизоны.

Рисунки первобытного человека въ краскахъ на стѣнахъ пещеры въ Альтажиръ (Сѣв. Испанія).

Съ оригинала Х. Брейля и К. Картайлахка.

шей до известной степени тоже обширную и связанную общими интересами семью. Отношения эти и интересы далеко не исчерпывались теми лишь общественными предприятиями, которые призывали к обязательному труду почти всех членов данной общины, но затрагивали и внутренний мир каждого из этих последних.

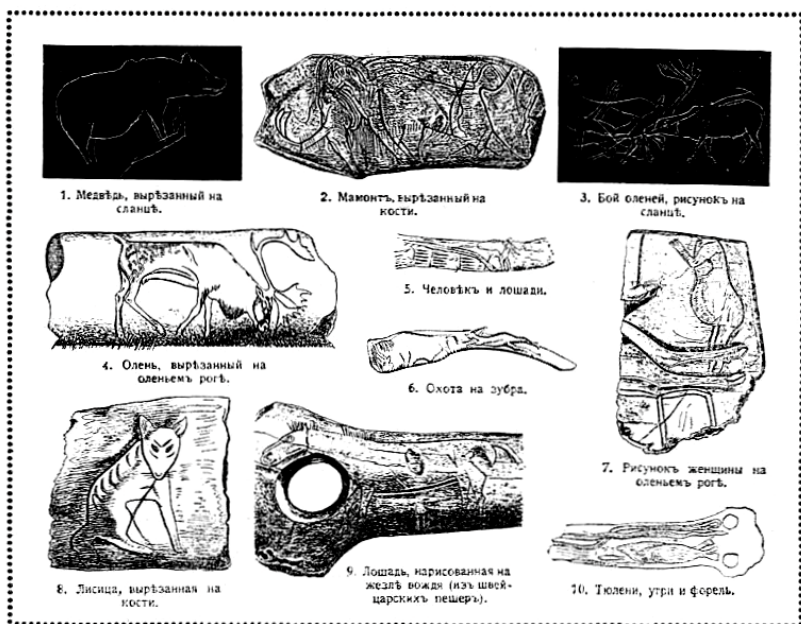
VII

Много веков оставался человек на той ступени цивилизации, которая, правда, значительно возвышала его над всеми остальными животными существами, но, в сущности, была еще очень низкой, не отличаясь от жизни современного австралийского дикаря. Первичная человеческая семья, состоявшая из мужа, жены и детей, в продолжение долгого доисторического периода жила сама по себе, не входя в близкие сношения с другими подобными же семьями. Соединяясь между собой ради одной потребности каждого живого существа в известного рода сообществе, эти пока еще более или менее обособленные семьи представляли тот прообраз человеческих обществ, когда между отдельными членами последних еще не существовало особо тесных внутренних сношений. Главы отдельных семей могли соединяться между собой для общих охот, облав и нападений; жилища этих семей могли ставиться рядом; могли происходить даже брачные отношения между отдельными семьями, но все-таки этим последним было еще далеко до сознания единства, до разумной группировки и совместной борьбы за существование. Общность интересов еще не сознавалась определенно, и вчерашние друзья готовы были назавтра биться до последней капли крови из-за какого-нибудь лакомого куска подобно собакам, еще не игравшим в то время теперешней роли друзей человечества. Первичные человеческие общества, лишенные тесной внутренней связи, были еще крайне непрочны и легко распадались на отдельные звенья хотя бы для того, чтобы образовать новые общества и группировки... Посетим мысленно одну из таких первичных человеческих общин и взглянем на внутреннюю жизнь ее с той высоты, которую дает нам наш объективный рассказ.

В глухом лесу, носящем, однако, следы пребывания человека в виде тропинок, порубок и просек, недалеко от берега небольшой тенистой речки, которую так любил первобытный человек, мы видим ряд построек, расположенных

довольно близко друг от друга. Те постройки образуют деревню или селение первичных насельников русской земли, уже успевших завоевать себе право обитания у свирепых царей тайги. Первобытное оружие, сделанное из камня и дерева, но направляемое могучей рукой, и особенно огонь, страшный пособник человека, сделали последнего победителем над самыми могучими зверями тайги. Эти постройки — те же шалаши, сделанные из хвороста, ветвей и жердин, проконопаченные мхом и обмазанные глиной, какие мы видели и ранее, но в них уже заметны попытки расширения человеческого жилья, перегородки и подобия дверей из плетеных щитов лозняка. Возле шалашей заметно присутствие многих хозяйственных приспособлений, отсутствовавших прежде у дикаря: кроме массы глиняной посуды разнообразной формы и величины, мы замечаем здесь большие корзины, сплетенные из ветвей ивы, подобия печей, сложенных вне хижин из больших камней, и многие другие предметы, свидетельствующие о развитии потребностей дикаря. Сам вид обитателей деревни несколько преобразился: вместо необделанных сырых шкур, покрывавших их мускулистые, волосатые тела в предшествующем периоде, мы видим теперь на них уже грубо сшитые одежды из кое-как обделанной кожи, пока еще одинаковые для обоих полов. Лица наших знакомцев уже теряют свои звереподобные черты, и сквозь грубые, мало еще подвижные физиономии все чаще и чаще проглядывают движения чувства. Человеческая физиономия уже приобрела способность к выражению не только телесных ощущений, но и движений души, и эта последняя все чаще и чаще стала смотреться из оттененных густыми бровями очей.

Таков был первобытный человек накануне того периода культуры, который принято называть бронзовым веком, потому что в эту эпоху бронзовые орудия начинают понемногу вытеснять каменные, так много послужившие первобытному дикарю. Как и когда совершилось это великое событие, — первое знакомство первобытного человека с металлом, обновившем его культуру и обусловившем все ее дальнейшее развитие, — мы не знаем, да и никто пока

Доисторическое искусство.

этого наверное не может сказать. Не нужно только предполагать, что первое знакомство с металлом было сделано в каком-нибудь одном месте и что лишь одна группа человечества, первоначально научившись добывать из почвы драгоценный материал для своих орудий, уже потом, в свою очередь, постепенно научила этому и все остальное человечество земли. Хотя многие антропологи и склонны думать подобным образом, приписывая великое открытие металлов одному народу, пронесшему затем его во все уголки земли, но, по всей вероятности, оно было сделано в разных местах, хотя и не одновременно, и таким образом знакомство с металлами имеет не одну, а несколько исходных точек своего распространения.

Несложные альтруистические взгляды, выработавшиеся у первобытного человека по отношению его к родителям и его собственной семье и едва ли заходившие далее чисто животной привязанности и любви, должны были развиваться далее, едва человек вступил в более или менее тесно

связанную между собой общину. Уже из одного тесного общения естественным путем должно было выработаться то представление, что эта община есть своего рода семья, отдельные члены которой связаны узами, подобными тем, что соединяют и первичную человеческую семью. Эти взгляды должны развиться сами собой уже по тому одному, что и большинство первичных общин получались путем разрастания семьи, собиравшейся возле своих матерей и отцов. Мы видели выше, как знакомая нам доисторическая община дала возможность калеке не только существовать, но и приносить посильную пользу тем, кто доставлял ему пропитание*. Подобные примеры с развитием общественной жизни становятся все чаще и чаще. Попечение о больных и раненых, также как о детях и стариках, не имеющих близких родственников, составляет уже предмет заботливости со стороны целой общины; правда, заботливость эта, может быть, выражается у нашего дикаря еще очень грубо, но она все-таки проявляется в той или другой форме. Несчастье, разразившееся над отдельным членом общины, не может погубить его так легко, как в условиях одиночной жизни; человек чувствует себя крепче и сильнее в соединении с себе подобными; предприятия его делаются смелее, а сами взгляды на жизнь — шире. Еще о нравственности в собственном смысле этого слова у него нет, конечно, и представления: еще не выработано им никакого кодекса морали, но все-таки в диком обществе уже существуют и свято соблюдаются те или другие правила, основанные на обычае или связанные с несомненной пользой для общины. Известная степень законности и права рано рождается в человеческом обществе, которое скоро начинает признавать не одно право сильного, но и право, основанное на нравственном авторитете.

Община, описываемая нами и состоявшая из многих семейств, соединенных более или менее тесными узами родственного происхождения, несмотря на крайнюю дикость

* Видимо, имеется в виду описанный выше мастер-изготовитель оружия и украшений (*Прим. ред.*).

своих сочленов, еле перешедших за низшую степень человеческой культуры, была основана на семейном начале и имела своего авторитетного главу. Один из родоначальников ее, древнейший старец, уже не бывший в состоянии держать оружие, пользовался всеобщим уважением не только как старейший между всеми, но и как мудрый советник и опытный вождь. В лице этого всеми признаваемого главы наша община объединялась в одно целое, в одну большую и тесную семью. Всего яснее эта связь сказывалась во время общих предприятий, защиты от нападений врага и общих несчастий, иногда постигавших общину. В этих случаях всего авторитетнее раздавался и голос главы общины...

Еще недавно проливные дожди, сильно поднявшие воду в речке, заставили ее выйти из берегов и совершенно затопить знакомую нам деревню. Страшная паника овладела тогда населением последней, настигнутым врасплох водой. Многие готовы были даже совершенно покинуть насиженное годами становище. Напрасны были протесты старцев, желавших умереть на месте своей родины, — толпа волновалась и желала перенести свои жилища. В это-то тяжелое время слабый старческий голос мудрейшего из всех старшин деревни остановил готовившееся переселение, удержал на месте строптивых и указал могучим, но еще мало сообразительным отцам семейств простые средства для обеспечения этих последних от наводнения. Глава поселения посоветовал каждому хозяину, кроме постоянного жилища, устроить еще небольшое, временное, на сваях, куда могли бы спастись все члены семьи во время наводнений. Сравнительно небольшой труд сооружения этих построек был ничтожен в сравнении с тем перенесением деревни, на которое уже решались напуганные наводнением члены общины, — и предложение старца было единодушно принято.

Живо закипела работа под руководством мудрого старейшины, выдавшего уже свайные постройки у далеких соседей, живших на самом берегу одной часто разливавшейся реки. Как ни трудно было доисторическому чело-

веку при его первобытных инструментах валить целые деревья, рубить их на сваи и вколачивать эти последние в землю, но взаимная помощь членов общины превозмогла все препятствия, и не прошло двух месяцев со времени наводнения, как возле знакомой нам деревеньки выросла другая, поставленная на сваи, приподнимавшие временные жилища почти на целую сажень от земли. На вколоченные сваи были положены толстые ветви и небольшие стволы деревьев, а на этом основании были сооружены хижины, похожие на те, которые давно уже были поставлены на земле. Только устройство этих воздушных или свайных построек, как временных помещений, было не так прочно и основательно. Предназначенные оберегать целые семейства от ветров, дождей и непогод в опасное время весенних и осенних наводнений, свайные постройки, однако, вполне удовлетворяли своему назначению. Сюда перед наступлением опасного времени заблаговременно, по совету старейшины, складывались запасы жизненных продуктов, сносились утварь, оружие, все шкуры и меха; к порогам свайных жилищ привязывались и все челноки, бывшие в распоряжении у жителей деревни и назначенные для экскурсий и сообщения во время наводнений.

Прекрасная мера, предложенная главой общины, не только спасла эту последнюю от больших хлопот по перенесению деревни, но и сохранила для нее выгодное положение вблизи реки и обильных залежей материала для приготовления каменных орудий. С тех пор община в лице ее представителей — мужчин могучей физической силы, привыкших прибегать чаще к помощи своих рук и оружия, чем к ухищрениям ума, — во всех тех случаях, когда нужно было какое-нибудь решение, требовавшее более глубокого и солидного размышления, стала прибегать к совету и помощи своего мудрейшего старейшины. Таким образом, уже очень рано грубая физическая сила человека стала преклоняться перед умом. Дряхлый старец, уже бессильный поднять оружие, но просветленный жизненным опытом и недюжинными умственными способностями, руководил многими сотнями грубых и могучих бойцов, слушавшихся часто одного

Свайныя постройкі каменнага вёска на Цюрыхскомъ озерѣ въ Швейцаріи.
Снимокъ съ картины В. Крайца.

его слова. В этом добровольном подчинении физической силы уму, направлявшему ее, виден был значительный прогресс в дикой толпе доисторических людей, еще недавно ставивших свою физическую силу выше всякого права и ума.

На той стадии развития, на которой находилась рассматриваемая нами община, без сомнения, уже существовало хотя и слабое, но все-таки уже более или менее выработанное и удовлетворяющее человека мирозерцание. Он имел уже понятие о многом, что доставляло материал для дальнейшего развития почти всех социальных идей. Идеи об одушевленном и неодушевленном, о сне и сновидениях, об обмороке, апоплексии, каталепсии, экстатическом иступлении и других формах бесчувственного состояния, в свою очередь породившие представления о смерти и воскресении, идеи о душах, тенях, духах, демонах, загробном мире и загробной жизни, — все это явилось довольно рано в сознании первобытного человечества и уже создавало для него внутренний мир человеческой души, отличный от мира, его окружавшего. «Теория душ, где жизнь, мысль, дыхание, тень, отражение, грезы, видения — сближаются и объясняют друг друга одним из тех смутных и сбивчивых путей, которые удовлетворяют неопытного мыслителя», существовала, без сомнения, в период полированного камня почти у всех человеческих общин. Из общего комплекса всех этих идей вытекал уже другой ряд идей, приводивший прямо к постройке известных культов и религий...

VIII

Мы не станем, однако, без всяких фактических оснований воспроизводить мирозерцание и психическую жизнь нашей общины; мы позволим себе лишь вкратце набросать тот комплекс социальных представлений, без которого едва ли могла существовать даже первобытная человеческая община. Образчики этой последней мы можем видеть и в настоящее время среди некоторых низших австралийских и африканских дикарей. По аналогии с этими последними мы можем составить некоторое представление и о том, каковы были социальные отношения человеческих групп в конце периода каменного века, когда человек по своему развитию едва ли уступал некоторым из дикарей, существующим и поныне и тоже едва выходящим из культуры каменного века.

Можно с уверенностью сказать, что, несмотря на самые близкие отношения, существовавшие между членами одной и той же семьи, — в описываемую нами эпоху еще не было не только брачных установлений, но даже и настоящей человеческой любви. Тем не менее, если проблески этой последней мы встречали уже при описании первичной человеческой семьи, то, несомненно, при собирании отдельных семей в общины мало-помалу могла нарождаться не только семейная, но и более подходящая к нашему христианскому идеалу любовь. Вначале она, правда, была очень слаба и проявлялась не столько в массе, сколько у исключительных натур, одаренных особенной впечатлительностью и представлявших новые человеческие типы, в которых внутренняя сторона жизни начинала брать верх над внешней. До появления же первых альтруистических чувств даже между мужьями и женами, родителями и детьми было очень немного действительной привязанности; каждая семья представляла своего рода общину, связанную более общими интересами — работой и взаимопомощью, чем искренней привязанностью и любовью. Муж и жена долгое время были — не связанная крепко пара, а два существа, схо-

дившиеся ради общих интересов, несшие одинаково тяготу жизни и легко расходившиеся под влиянием самых ничтожных внешних причин. Община теснее соединила семьи, скрепила отчасти брачные союзы, но, с другой стороны, до известной степени подчинила себе как отдельных членов, так и целые семьи: нередко сами дети принадлежали не семье, а целой общине, распоряжавшейся ими, как своим имуществом. Особенно же это относилось к женщинам, бывшим нередко собственностью всей общины. Ввиду спутанности понятий о взаимном отношении обоих полов между собой, сами браки были довольно разнообразны; нередко они были временными или такими союзами, в которых муж мог иметь нескольких жен, а жена нескольких мужей. Наше представление о семьях, — по-видимому, таком естественном первом сообществе людей, связанных близким родством и многими общими интересами, — совершенно не сходится с тем, что нередко в отдаленной древности представляло семью. Нередко эта последняя группировалась около одной матери и нескольких отцов; гораздо чаще центром семьи был отец, а дети принадлежали различным матерям. Мы не можем определить, какого рода были семьи в нашей первобытной общине, но, по всей вероятности, она переживала период, в котором происходило уже более или менее правильное группирование больших семей...

Недолго, однако, наслаждалась миром наша юная община. Недружелюбные отношения между ней и метрополией, сильно обострившиеся после похорон старого вождя и убийства молодого руководителя юной общины, усиливаемые постоянной завистью старшего поселения к богатству своего отпрыска, грозили скоро перейти в открытую братоубийственную войну. Только новый общий враг поневоле заставил помириться обе враждующие общины.

Откуда и когда появился этот враг, никто не знал, но он пришел внезапно с далекого востока в значительном количестве и в один ясный осенний день показался на берегу реки, питавшей оба знакомые нам поселения. Раньше мы говорили уже о бродячих номадах, нередко появлявшихся в районе, занятом поселениями, и всегда не особенно дру-

желюбно встречаемых этими последними. Толпы бродячих пришельцев приходили постоянно, следуя течению реки, вступали в те или другие сношения с туземцами и чаще всего, встречая с их стороны самое энергичное сопротивление, проходили дальше и терялись в глубине бесконечных лесов. Многочисленность и солидарность членов общины гарантировали ее до сих пор со стороны всяких нападков, ограничивавшихся лишь слабым нападением и мелким воровством. Совсем иначе обстояло дело в настоящем случае, когда двигалась не горсть бродячих людей, а целое племя с женами, детьми, домашним скарбом и стадами домашних животных, еще дотоле неизвестных нашему доисторическому человеку.

То было настоящее переселение племени, одно из бесчисленных переселений, благодаря которым населились людьми северная и восточная половина Европы, занятые тогда бесконечными лесами. Мы не знаем, какая роковая сила гнала эти толпы пришельцев с востока на запад, почему стремились они, на что надеялись и где думали остановиться. Подобно волнам морским, эти новые людские толпы появлялись в первобытных лесах и частью проходили их, стремясь в неизвестную даль, частью останавливались на тех или других облюбованных ими местах. Наша община сама произошла из толпы подобных безвестно откуда и когда пришедших людей, которые, издавна населивши пустынные дотоле берега безымянной речки, стали своего рода туземцами, относившимися враждебно ко всякой новой пришлой толпе.

Весть о значительном количестве неведомых пришельцев, появившихся в районе, занимаемом обеими общинами, быстро облетела эти последние и, как всегда, вначале вызвала лишь одно беспокойство, еще далекое от каких-нибудь опасений. Но когда отправленные на разведку соглядатаи и лазутчики вернулись из лагеря чужеземцев и рассказали соплеменникам о странных одеяниях, блестящем оружии и неведомых животных, которых они видели в становище чужеземцев, то беспокойство перешло в настоящее смятение. Храбрейшие члены общины почувствовали неволь-

ный ужас, узнав, что те животные, которых они едва одолевали с оружием в руках, — свирепые лесные быки и волки, — и еще другие, доселе невиданные звери покорно ходят в стане чужеземцев по следам человека. Разумеется, животные, так сильно смутившие самых бестрепетных охотников общины, были не что иное, как одомашненные коровы, собаки и лошади, прирученные человеком, по всей вероятности, еще в глубине Азии и оттуда приведенные в Европу арийскими племенами. Первобытные поселенцы нашей общины, при всем своем постоянном знакомстве с разными зверями тайги, не сумели приручить ни одного животного.

Блестящее оружие, сильно поразившее соглядатаев нашей общины, было сделано уже не из камня, а бронзы — удачного сплава, до которого дошел доисторический человек гораздо раньше, чем до возможности эксплуатировать металлы в их простейшем и несмешанном виде. Мы не будем разбирать тех условий, которых привели доисторического человека к открытию свойств металлов и замене каменных орудий изделиями из бронзы, железа и меди, мы остановимся лишь на том столкновении, которое произошло в отдаленные времена между людьми каменного и бронзового века, между двумя цивилизациями, из которых высшая должна была отныне поглотить низшую и поднять туземца еще на одну ступень культурного развития.

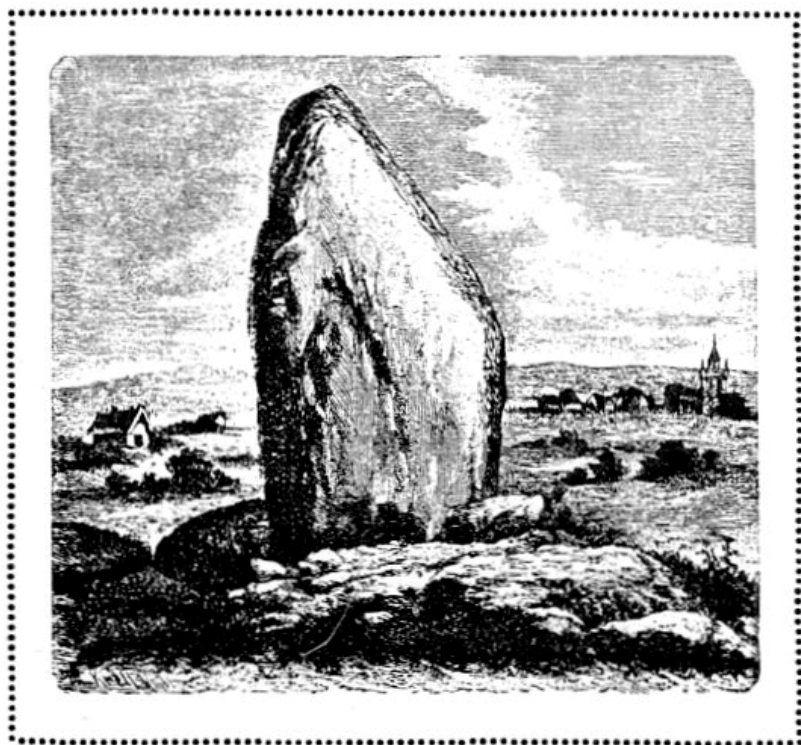
Недолго продолжались одни недоумения и первичное знакомство между нашими общинами и толпой удивительных пришельцев, которые, осевши в районах, занимаемых обоими поселениями, и не думали уходить отсюда. Дерзость чужеземцев, занявших места ловли и охоты знакомых нам туземцев, возмутила этих последних, — и они, несмотря на весь ужас, внушаемый невиданными дотоле пришельцами, поднялись, как один человек, для вытеснения ненавистных врагов. В этом случае общая опасность соединила не только наши враждовавшие общины, но и некоторых из их союзников, одинаково недружелюбно смотревших на вторжение дерзких врагов.

Последние, зная хорошо, что туземные обитатели не уступят им добровольно давно уже насиженных мест, приготавливались к защите и самому отчаянному сопротивлению. Свои временные шалаши, укрывавшие их семейства, они обнесли оградой из насыпанной земли и поваленных деревьев; кое-где впереди становища были выкопаны рвы и часть их наполнена водой. Все эти приготовления, указывавшие на готовность к обороне и желание во что бы то ни стало отстаивать захваченные места, сильно смущали туземцев, и они собирали все свои силы для того, чтобы прогнать и разгромить опасного врага.

Наконец, после долгого колебания, внушаемого им силой и оружием пришельцев, обе наши общины и их союзники приготвили к нападению. Еще накануне были вытаснены самые тяжелые палицы, большие каменные топоры, масса дротиков и копий, насаженных на длинные дубовые древки, вооруженные зубьями бердыши и гибкие луки. Кроме того, один из союзных вождей посоветовал воинам, для устрашения врага, одеть на себя медвежьи, кабаньи и турьи головы, вооружить их большими рогами и вымазать лица и обнаженные части тела сажей и разноцветной глиной. Предложение это было принято, и весь отряд, готовившийся к нападению, целый вечер раскрашивал свои лица и облачался в свежие шкуры животных, недавно добытые в облаве и снятые вместе с головой.

Когда все было готово и толпа воинов превратилась в каких-то чудовищ, для возбуждения воинственного экстаза начались бешеные военные пляски, продолжавшиеся почти всю ночь. Даже женщины принимали в них участие, размахивая оружием и стараясь возбудить мужество в груди упавших духом борцов. При багровом свете костров, ярко выделявшихся в беловатой мгле сырой ночи, под звуки воинственных песен, диких криков женщин и неистовые удары трещоток и барабанов, размалеванные и покрытые шкурами воины с оружием в руках отправляли свой бешеный танец. Эта пляска была похожа скорее на борьбу диких чудовищ, чем на танцы человека, готовящегося на бой. Лишь под утро, после бешеной оргии, утомонились на вре-

мя борцы; живописно разметавшись на месте своего ночного беснования, они отдыхали, чтобы обновить свои силы и с первыми лучами солнца ударить на ненавистных им, но грозных врагов.

Каменная глыба-памятникъ (во Франціи).

Наступил, наконец, и этот роковой для обеих общин и их союзников день. С громкими криками, потрясая оружием, огромная толпа дикарей отправилась по берегу речки к стану неприятелей вызывать их на бой. В числе воинов было несколько молодых девушек, также жаждавших биться с врагом своего племени. Такие амазонки были не в редкость у доисторических людей, еще не разграничивших тщательно специализации мужского и женского труда. Кроме амазонок, много и других женщин провожали своих бра-

тьев, отцов и мужей, неся с собой их копыя, стрелы и съестные припасы.

Не было еще и полудня, когда нападающая толпа приблизилась к становищу неприятеля. При виде окопов и баррикад, воздвигнутых на их собственной земле, озлобление и мужество туземной рати возросло до того, что самые отчаянные из нее, не ожидая приближения товарищей, бежали вперед и, потрясая каменными топорами и палицами, громко вызывали чужеземцев в одиночный бой. Со стороны неприятеля подобных смельчаков не нашлось, но зато из их окопов посыпалась на нападающих такая туча стрел и дротиков, что эти, оглушенные внезапным ударом, нанесенным еще на таком далеком расстоянии, дрогнули и невольно остановились. Туземные воины еще не понимали, что в руках у неприятеля находится усовершенствованное оружие, позволявшее бить врага еще издали, и, приписывая это особым чарам и колдовству пришельцев или гневу демонов, ставших на их сторону, уже оробели и потеряли мужество, которое одно могло уравновесить превосходство в оружии.

Не успела еще туземная рать оправиться от первого залпа стрел, как вторая туча смертоносных орудий еще более расстроила их ряды. Между ними распространялась паника, и храбрейшие воины уже попятились назад. Еще один залп стрел, и туземная рать бежала бы с поля сражения, не выдав даже в лицо неприятеля, но отчаянное мужество вождей и трех амазонок, ринувшихся вперед на завалы, увлекло толпу колеблющихся бойцов и на время задержало их поражение.

Враги встретились лицом к лицу в рукопашном бою. В самом начале перевес был на стороне нападающих, более многочисленных, разъяренных мстью за погибших товарищей и видом чужеземцев, пришедших отнимать у них родную землю. Но скоро превосходство оружия чужеземцев дало делу другой оборот. Хотя более массивные каменные топоры и оказались более приспособленными к сокрушению черепа, чем бронзовые мечи и секиры, но зато металлические копыя и стрелы поражали несравненно

сильнее, чем аналогичное им каменное и костяное оружие, и наносили более кровоточившие раны. Разница эта скоро была замечена нападающими и еще более смутила их. Приписывая более обильное кровопролитие не усовершенствованному оружию, а вмешательству каких-то посторонних невидимых сил, наши туземцы дрогнули снова уже среди самой сумятицы рукопашного боя в то время, когда несколько усилий с их стороны могли бы принести им полную победу.

Распространившаяся между атакующими паника скоро была подмечена уже ослабевшим врагом. Сильнее и губительнее заработали пугавшие своим металлическим блеском бронзовые секиры и мечи; еще более полилось крови, и соответственно тому еще более падало мужество туземцев, думавших уже, что им приходится иметь дело с демонами и духами, а не с обыкновенными людьми. Это убеждение усилилось еще более, когда в сумятицу боя вмешались несколько прирученных собак, бросившихся в ноги неприятелю.

Появление всадника на лошади, — животном, никогда не виданном туземцами, — уже окончательно решило судьбу сражения. Появившийся всадник был маститый вождь племени, до сих пор сидевший вдаль за битвой и наблюдавший оттуда за всеми перипетиями боя. Когда острые глаза старца подметили колебание своих, он, несмотря на свои годы и слабость, сел на боевого коня, взял свой блестящий меч, давно водивший его к победам, и начал ободрять ослабевавших бойцов. Ветхий старец не знал, какой удивительный эффект произведет на врагов одно его появление, иначе он давно бы воссел на своего боевого коня. Принявши старого вождя на лошади за одно не виданное еще существо или, скорее, за особое божество, толпа нападающих, уже и без того ослабленная морально, не выдержала и побежала. Не помогли туземцам ни намазанные сажей маски, ни шкуры, одетые на плечи, ни рога, ни головы диких зверей, ни даже отчаянная храбрость амазонок и вождей. Молодые девушки бились все время в первых рядах и не уступали в мужестве самым бестрепетным бойцам. Бес-

страшные амазонки пали с оружием в руках в то время, как бежали сотни мужчин; рядом с ними на поле остались лишь одни храбрейшие, не побоявшиеся продолжать борьбу с самими демонами, которыми теперь в глазах многих казались вооруженные блестящими мечами враги, которых слушались самые звери.

Много из туземной рати пало во время боя, но все-таки большинству удалось спастись. С позором вернувшись в свои становища, не успев привести даже раненых, бежавшие стали организовать защиту своих деревень, так как им казалось, что страшные пришельцы придут немедленно к их поселениям мстить за нападение и разрушать жилища врагов. В глазах побежденных уже мерещились страшные сцены нового последнего боя: разрушение и пожар жилищ, разграбление имущества, насилие над женщинами, мучения пленников и избиение детей: око за око, зуб за зуб, — думали первобытные люди, сами проделывавшие все это со своими побежденными врагами. Старцы видели уже близкую гибель общины и советовали покинуть насиженные места и переселиться на новые, подальше от страшных пришельцев, готовых разорить их гнездо. Советы эти были приняты во внимание, но большинство решило попытаться еще раз счастья в бою с чужеземцами, когда те придут разорять их деревеньку: многими предпочиталась более смерть, чем бегство и перемена давно насиженного места. Даже женщины, не желавшие покидать своего хозяйства, поддерживали это решение против многих робких, боявшихся более смерти и плена.

Но, как ни опасались наши туземцы, враги не приходили разорять их гнезда, а напротив, сами продолжали укреплять и обстраивать свое становище, пытаясь при том войти в более или менее мирные сношения с побежденными аборигенами. Несколько раз приходили со стороны чужеземцев послы с дарами в поселения туземцев, предлагая им дружбу и мир, но эти последние, не доверяя своим врагам, продолжали относиться к ним по-прежнему подозрительно и враждебно.

Так прошло несколько времени. Мало-помалу туземцы, освоившись несколько с пришельцами, перестали ежедневно ожидать их нападения, хотя и продолжали быть настороже. С своей стороны, и пришельцы, устроив крепко свое становище, уже чувствовали себя настолько прочно осевшими на новом месте, что не боялись нового нападения туземцев. Завязывались кое-какие мирные сношения, сначала ограничившиеся встречами в лесу, на охоте и рыбных ловлях, а потом дошедшие до взаимного обмена подарками и торговли.

Скоро у старейшины нашей деревеньки появился красивый бронзовый топор, подаренный вождем соседей и составлявший предмет его гордости и довольства: красивое оружие вытеснило даже дедовский нефритовый топор, до сих пор служивший символом власти всех старейшин поселения. Путем мены и подарков у тех или других членов нашего поселения появились и другие бронзовые изделия; красивый металл уже притупил вкус к самым лучшим из каменных полированных изделий, и многие из туземцев уже готовы были отдать все свое дедовское оружие за один бронзовый меч и топор.

Кроме оружия, в нашу деревеньку проникли и другие изделия из бронзы, гораздо более красивые и блестящие, чем лучшие поделки из камней. Особенно нравились нашим туземцам интересные бронзовые украшения, которые так красиво блестели на солнце и составляли предмет зависти не только для женщин, но и большинства мужчин туземного поселения. С какой понятной гордостью удалось приобрести, путем дорогой мены, ожерелье из блестящих бронзовых бус. Счастливая девушка, сделавшаяся, каким-то неведомым путем, обладательницей такого же ожерелья, вышла замуж на другой же день после ценного приобретения.

С течением времени число бронзовых изделий стало гораздо значительнее в нашей общине, и они не стали уже цениться так высоко, но зато прошла охота и к самым лучшим из каменных изделий. К чему служило все искусство полировщика камня, когда простой бронзовый топор был

гораздо красивее, легче, удобнее и вместе с тем прочнее? К чему роговые и костяные изделия, когда металлические поделки неизмеримо выше их по тонкости работы, остроте, прочности, не говоря уже о красоте?

Орудія и предметы бронзоваго вѣка.

Бронзовые изделия постепенно начали вытеснять каменные и роговые. Бронзовый век приходил на смену каменному, поднимая доисторического человека на целую ступень на пути к цивилизации. Без насилий и борьбы совершилась эта замена, и то роковое столкновение, в котором сокрушились все силы и мужество нашей общины, было лишь частным явлением, показавшим человеку превосходство высшей цивилизации.

Мы не напрасно называли впереди это столкновение роковым для той первобытной общины, о которой мы только говорили; оно было роковым для нее не только потому, что с того момента началось вытеснение старой культуры, которой жило много веков и тысячелетий человечество, в рассматриваемом нами районе, но и потому, что человек высшей цивилизации стал сразу выше человека низшей культуры. Победа людей бронзового века над людьми каменного периода была лишь грубым прообразом той настоящей победы, которую одерживали более культурные группы людей над человеком более низшего развития. Дальнейшие победы и шли уже на почве мирных завоеваний и происходили незаметно, но зато все крепче и прочнее при-

общали туземцев каменного периода к более высокой цивилизации, а следовательно, и носителям ее — пришельцам из неизвестного далека.

Подобно тому, как и в грубом столкновении различных людских групп на поле битвы побежденный пристегивается невольно к колеснице победителя, так и на почве мирной борьбы низшей культуры побеждаемый высшей цивилизацией подчиняется незаметно носителям ее, попадая к ним в своего рода экономическое рабство. Порабощение это, основанное не на праве сильного, а на праве высшего развития, совершается еще прочнее, чем порабощение, вносимое завоевателем в среду побежденных. Рабство это является обыкновенно уже порабощением бесповоротным, в котором не столько тело, сколько дух прикрепляется прочно к завоевателю. Принцип, имеющий применение и в настоящее время политико-экономических завоеваний и подчинений, еще с большей силой высказывался во взаимных отношениях людей бронзового и каменного века, пришедших в столкновение и соединившихся не на равных правах. Сознавши преимущество пришельцев над самими собой во многих отношениях, туземцы не только примирились с их присутствием, но и добровольно, хотя и незаметно, подчинились их влиянию, силе их культуры и большого развития ума, всегда действующих обаятельно на душу дикарей. Признав чужеземцев уже при первом кровавом столкновении за своего рода богов, демонов или вообще высших существ, туземцы нашей общины не переменили о них мнения даже после установления мирных отношений: победы более высшей культуры над низшей, не говоря уже об оружии и домашних животных, к которым скоро привыкли туземцы, были слишком очевидны и велики, чтобы не оставить сильного впечатления в умах наблюдательных дикарей. Желание воспользоваться некоторыми преимуществами, которыми обладали чужеземцы, заставляло наших дикарей, не имевших возможности добыть себе силой многого из того, что привлекло их внимание, прибегать к различного рода уловкам, отражавшимся на их самостоятельности. Подобно тому, как и ныне человек, ради тех или дру-

гих корыстных целей, идет в добровольное подчинение и рабство, так точно и первобытный дикарь, не устоявший перед соблазном, стал незаметно в известного рода подчинение к человеку высшей культуры, могущему его одарить. Таким образом, мало-помалу пала совершенно самостоятельность туземных общин. Соединившись добровольно с пришельцами, аборигены, не будучи в состоянии скоро подняться до них, стали не союзниками их, а настоящими рабами. Рабство это не имело, правда, той грубой формы, под которой знали его и наши туземцы, но оно сказывалось полной потерей их самостоятельности и полным подчинением не только в экономическом, но даже и в нравственном отношении. Насколько это было выгодно тем и другим, мы в настоящее время говорить не будем, но с общечеловеческой точки зрения получился не минус, а плюс. Человек поднялся еще на одну ступень культуры и стал еще выше над окружающей природой, чем тогда, когда нашел средство добывать огонь, выломал первую дубину для защиты, обделал первый каменный топор, устроил хижину и соединился в небольшое общество себе подобных людей.

Мы покинем теперь нашу общину, начавшую новый период жизни, который внесла в нее новая культура и новые взгляды, принесенные кучкой неведомо откуда пришедших людей. Не годы и даже не сотни лет, а целые тысячелетия пройдут над мирно развивающимся человечеством, пока оно сделает крупный шаг вперед, но в эти большие промежутки времени идет неусыпно постоянная работа, подвигающая его дальше по бесконечному пути культуры. Как каменный век сменился бронзовым, так и этот последний сменился железным, доисторическое человечество войдет в область истории, эта последняя отличит новые стадии развития человечества — века стали, каменного угля, электричества, но все это не будет концом культурного развития: культура человечества пойдет вперед, пока существует человечество, пока в груди его бьется сердце, а в мозгу его шевелится мысль. Ни на минуту в своем развитии не может остановиться человечество, пока его не оставила жизнь; так бьется и сердце в груди человека до последнего мгно-

вения его жизни, даже тогда, когда уже не работает мозг. Этому неустанному стремлению вперед человек и обязан тем, что стал владыкой над окружающим миром, а не остался на стадии развития первобытной семьи или первичной общины, которую мы пытались очертить по мере сил своих.

IX

Ни археология, ни доисторическая антропология прямо не дают нам ключа, чтобы постигнуть психологию доисторического человека, эту загадку минувшего, но все-таки изучение человека на низших ступенях его развития может нам дать руководящую нить, при помощи которой мы имеем возможность, — хотя неглубоко, — проникнуть в сферу духовной жизни первобытного человека, как ни далека она от нас.

По самым элементам своим она не могла быть особенно сложна; когда весь мир нашего дикаря ограничивался лесом, все общество его составляли лишь его жена, дети и те немногие индивидуумы, с которыми он приходил в сношение, как с ближайшими соседями (хотя они и обитали враздробь, как настоящие охотники-номады), и весь кругозор мышления исчерпывался заботами о добывании себе насущной пищи и одежды, заботами о доме и, наконец, о самозащите, — тогда, разумеется, мысль человека не была особенно развита и сложна, так же как и понятия его, и его язык. Неразвитая речь, которая была более чем несовершенна, состояла из односложных звуков и была скорее полумимическим языком, чем языком членораздельных звуков, выражавших определенные понятия. Сами чувства человека, несмотря на свою одностороннюю остроту, были еще очень неразвиты.

Тем не менее, прогрессирующий мозг человека не засыпал, а, быстро развиваясь, шел вперед; мысль как-то незаметно зарождалась в его мозгу, как бы из невидимо посеянных зерен; мозг все-таки работал неустанно, хотя и для удовлетворения физических потребностей, и мы видели уже не раз, что продуктами этой мозговой работы являлись не только сложные идеи, но и открытия, порой, как метеоры, освещавшие мозг первобытного человека. В эти моменты он мыслил, творил и изобретал по тем же законам мышления, как и его высококультурный потомок. Этой постоянно прогрессирующей мыслительной способностью первобытный

человек уже резко отличался даже от самых разумных зверей, у которых умственный прогресс, если и имел место, то совершался крайне медленно и несовершенно. Что же мыслил, о чем думал тот грубый дикарь, которого тип мы старались воссоздать?

Памятники каменного вѣка. Древній кельтскій памятникъ (стонгенджъ или кромлехъ), изъ камней въ южной Англіи.

Лес был его сферой, его жизненной ареной, его колыбелью и могилой; вся жизнь его проходила в лесной чаще; в ней он почерпал не только источник своего физического существования, но и все элементы для мышления. Дерево, травы, цветы, птицы, звери, рыбы и насекомые — вот та сфера, среди которой вырос и обитал наш отдаленный предок, вот те живые существа, которые окружали его.

Для доисторического дикаря, как и для современного, не было разницы между свободным полетом птицы и бегом облаков, вольным движением животных и движением листка, несомого ветром, или бегом водяной струи. Колесание дремучего леса, движимого напором бури, перед глазами первобытного человека было таким же проявлением первичной жизни одушевленной природы, как и движение его собственных членов; падение крупной капли дождя с неба казалось ему таким же простым передвижением одушевленной капли воды... Короче сказать, всякое движение объяснялось в уме дикаря тем основным принципом, который всегда лежал в основе его развивающегося мирозерцания.

Первоначально сфера познания у доисторического человека ограничивалась лишь простыми представлениями. Но позднее, с прогрессированием и развитием мысли, с накоплением запаса наблюдений, в голове первобытного человека зарождается смутное представление и о предметах вышних, не подлежащих опыту и сфере простого наблюдения, не осязаемых, так сказать, при помощи пяти внешних чувств. Отсюда уже начинается происхождение новых, все более плодотворных идей.

Видя, например, тень, повторяющую контуры предмета или существа, отбрасывающего ее, первобытный человек поражался столько же внешним сходством ее, сколько и тем, что не мог объяснить себе ее мгновенного появления и исчезания. Явление было в самом деле слишком поразительно и непонятно для нехитрого ума дикаря, чтобы не возбудить напряжения всех его мыслительных способностей. Всякий предмет, всякая вещь, каждое животное имеют свою тень, и совокупность этих последних составляет особый мир теней, лежащий вне области ведения, — вот прямой логический результат наблюдений первобытного человека над тенью. Где этот мир, где его границы и в чем его сущность, — первобытный человек и не пытался узнать.

Точно так же, если не более, поражало первобытного человека и эхо — отголосок его собственного голоса, которое может удивлять даже человека более культурного, чем до-

исторический дикарь. Неизмеримые пространства тогдашнего леса представляли, без сомнения, немало мест, где эхо повторялось по несколько раз: кто слышал такое повторяющееся эхо, тот согласится со мной, что дикарю оно могло казаться голосом неведомого существа.

Долмень — доисторический памятник каменного вѣка, сложенный первобытнымъ человекомъ изъ каменныхъ глыбъ, такъ называемыхъ мегалитическихъ камней.

Во время своих беспрестанных охот первобытный человек не раз присутствовал при смерти животных, сраженных его сильной рукой. Этот быстрый переход живого, деятельного, подчас страшного существа в противоположное — мертвое, покойное, тихое, безвредное состояние — должен был также поражать дикаря. На вид как будто ничего особенного не произошло: две-три раны, нанесенные тем или другим оружием, — а животное вдруг остановилось, упало, стало судорожно биться и, наконец, замерло навеки.

Дикарь задумывается перед этим часто повторявшимся явлением, и целый ряд последовательных мыслей мог зародиться в его голове; сравнения, противопоставления, аналогии и умозаключения могли породить целую цепь соотношений, а одиночество, таинственность окружающей об-

становки, вечно работающая мысль могли только доразвить начинающееся представление. Нечто покидающее живое существо в момент его смерти и пропадающее наподобие тени, — быть может, подобно этой последней может возродиться снова таким же непонятным образом, как и исчезло, — вот что приходит прежде всего на ум первобытному дикарю. Мир духов невидимых и неосязаемых, но появляющихся и исчезающих, становится в представлении дикаря рядом с миром теней и неведомых звуков, — и целый мир отвлечений, мир идей и фантазий начинает представляться прогрессирующему уму человечества, складываясь впоследствии в системы верований.

Мы видели уже ту обстановку, в которой жил первичный насельник наших северных лесов, видели его самого и его семью, вольной мыслью нарисовали себе его жилище, его охоты, домашнюю жизнь и те первые изобретения, из которых постепенно складывалась основа высшей человеческой культуры. Мы нарисовали жизнь первичной и простейшей формы человеческого сообщества, когда оно состояло из простейшей семьи — всего из отца, матери и дитяти, когда оно не усложнялось еще введением взрослых детей, а с ними и сложностью взаимных отношений, — одним словом, ту первичную единицу человеческой ассоциации, которую можно назвать естественной семьей; из нее, как из кирпичей, сложились все позднейшие усложнившиеся сообщества людей — семьи, и роды, и поколения, послужившие в свою очередь краеугольным камнем высших и сложнейших человеческих ассоциаций.

Только с группированием человека в большие и сложнейшие общественные единицы, стал возможен быстрейший прогресс человеческой мысли и языка, выработка нравственных и общественных начал, приручение животных, появление сознательного культа, — одним словом, все то, что положило основание дальнейшей культуре.

Приложение

А. В. ЕЛИСЕЕВ

Страничка из воспоминаний

I

Жар только что свалил. Дачники, прятавшиеся по своим дачным труппам, выходили подышать свежим воздухом. Особенно много было публики на Муринском проспекте, около летнего клуба, где летние артисты давали спектакль. Я отправился в театр, чтобы в антрактах подышать свежим воздухом в клубном саду. В Лесном в жаркие дни и душно, и пыльно, а вечером поднимается самая предательская сырость. Это не значит, что Лесное хуже других дачных местностей в окрестностях Петербурга, — такая же сырость, духота и пыль везде.

Не помню, какая шла пьеса, но в один из антрактов знакомые указали на известного уже тогда путешественника, д-ра Елисеева, который гулял по аллее вместе с остальной публикой. Я читал его статьи в «Вестнике Европы» и как-то было странно видеть этого смелого исследователя далекого Востока в каком-то Лесном, которое ни в географическом, ни в этнографическом, и ни в каком вообще отношении не замечательно. Через минуту мы были представлены друг другу и сидели на садовой террасе.

— Я никак не ожидал вас встретить именно здесь, — удивлялся я, по привычке наблюдая нового человека. — Даже как-то странно...

— И я тоже удивляюсь, что встретил вас в Лесном. У меня здесь постоянное местожительство...

— Да? А я нанял здесь дачу.

— Как дачное место, Лесное, пожалуй, неудобно. Очень много летом набирается публики, а мы начинаем жить, когда дачники разъедутся, т.-е. поздней осенью. Главное удобство — безусловная тишина, а это самое важное при работе.

По своей наружности д-р Елисеев ни чем особенным не выделялся. Среднего роста, белокурый, с серыми глазами, с русским лицом — и только. Он был одет в белый военный китель и похо-

дил на армейского офицера. На первый взгляд несколько поражала торопливость его движений и какая-то особенная быстрота взгляда, точно он постоянно куда-то спешил. Наружность «известных людей» редко совпадает с тем представлением о них,

какое составляешь о них по их сочинениям. Так было и здесь. Первое впечатление меня вообще не удовлетворило, и я понял его, как тип, только познакомившись с ним ближе, в его рабочем кабинете, среди его коллекций, книг и разных редкостей, собранных со всего света. Только в этой обстановке он делался самим собой, тем Елисеевым, которого я уже ранее знал по книгам. Это был, если можно так выразиться, неисправимый путешественник, жертвовавший всем для любимого дела и десятки раз рисковавший для него собственной жизнью.

Кто из нас в детстве не зачитывался путешествиями и кто не мечтал сделаться знаменитым путешественником? Детский ум решает вопросы «очень просто», и мы время от времени встречаем в газетах трагикомические истории с юными путешественниками, начитавшимися романов Майн-Рида, Густава Эмара и Купера. Эти милые мальчуганы, сбежав с урока латинского языка, обыкновенно прямым путем отправляются в Америку искать опасностей, приключений и еще опасностей. Такие смелые предприятия заканчиваются обыкновенно путешествием в лодке или поездкой по железной дороге, а затем путешественников возвращают по месту жительства. Но и большие люди очень часто мечтают о путешествиях. Отчего бы, в самом деле, не махнуть куда-

нибудь на Цейлон или на Огненную землю? Но эти мечты не осуществляются в большинстве случаев просто потому, что русский человек и географию плохо знает, и с языками знаком из пятого в десятое, и необходимой подготовки не имеет, да еще и страшно притом. Оно, конечно, отчего не попутешествовать, а как вас зарежет какой-нибудь хунхуз, или, еще хуже, съедят людоеды... Я именно с этой точки зрения и смотрел на Александра Васильевича. Вот человек, который осуществил то, о чем другие едва смеют мечтать. Кроме специальной подготовки к каждому путешествию, нужна еще смелость.

— Скажите, Александр Васильевич, неужели вы не испытывали страха, забираясь в глухую сибирскую тайгу или на охоте за африканскими львами в горах Атласа? — откровенно задал я вопрос.

— И да, и нет... Все зависит от натуры, а затем от выдержки характера. Разве рабочий порохового завода, водолив, шахтарь, аэронавт, а больше всех врач — не рискуют каждую минуту? По моему мнению, можно себя приучить и закалить... В этом вся штука. А главное, путешественниками рождаются, а не делаются... Это какая-то мертвая тяга в далекие неисследованные страны, даже тяга к опасностям.

— Но ведь есть панический страх, который вне воли человека?

— Право, не могу ничего сказать... Отчаянным храбрецом себя не считаю, но особенно и бояться не приходилось. Ведь нет такого положения, из которого не было бы выхода... Все дело даже не в какой-то храбрости или прямой отчаянности, а в простом умении рассчитать обстоятельства и сохранить во время опасности известное хладнокровие. Большинство ведь погибает не от опасности, а от того, что люди теряют голову...

Для меня все-таки оставался неясным вопрос о храбрости, необходимой для каждого путешественника. Истинно смелые люди, каким был покойный д-р Елисеев, вероятно, не замечают в самих себе этого необходимого достоинства, как здоровые не замечают своего здоровья. Кстати, я припомнил очень трогательный рассказ о каких-то французах-аэронавтах, которые перелетели на воздушном шаре в Швецию. Шар опустился в окрестностях какого-то маленького городка, и матери приводили детей, чтобы смельчаки-аэронавты благословили их. Описывая Уссурийский край, Александр Васильевич говорит: «Опасности, быть может, потому и привлекают человека, что они слишком обаятельны». Это уже поэзия опасностей...

II

Все лето 1891 года мне пришлось провести в Лесном, и мы встречались с Александром Васильевичем почти каждый день. Он особенно любил устраивать прогулки пешком, причем отличался замечательной неустойчивостью. Кстати, человек, который охотился на африканских львов и амурских тигров, как мне казалось, побаивался простых дворовых собачонок и поэтому постоянно ходил с толстой японской палкой. Впрочем, это, кажется, уже область идиосинкразии, — по преданию, Петр Великий боялся черных тараканов, а кажется, человек был не из трусливого десятка.

По вечерам Александр Васильевич частенько завертывал ко мне посидеть на садовой террасе, поговорить, выпить чаю. У него только не было русской привычки засиживаться подолгу, завернув на одну минутку. Он самое большее мог позволить себе свободный один час — это был его законный отдых. Было всегда жаль, когда он уходил, потому что он так хорошо рассказывал о своих странствованиях по белу свету, так много видел и умел видеть, так много знал по разным отраслям разных наук.

— Да останьтесь, Александр Васильевич... Посидите.

— Ах, нет, не могу... Работа, работа, работа!..

— Готовитесь опять к экспедиции?

— О, да...

Последнее он говорил таким удивленным тоном, точно все люди должны были готовиться к какой-нибудь экспедиции.

Всего рельефнее обрисовывался Александр Васильевич, конечно, у себя дома, в той обстановке, которая создавалась таким неустанным трудом. Было что-то даже нерусское в этой систематизированной и выдержанной до последних мелочей работе — нерусское потому, что русский человек с испокон веков работает какими-то взрывами, вернее — не работает даже, а страдает. Александр Васильевич выходил из дома только по необходимости — нужно сделать визит больному, съездить на заседание ученого общества, сделать необходимый моцион для поддержания мускульной энергии, а там опять в свою скорлупу, за свое любимое дело. И так изо дня в день, целые годы, пока этот неустанный труд не прерывался какой-нибудь новой экспедицией.

Если обстановка, вообще, до известной степени характеризует своего хозяина, то Александр Васильевич был весь в этой обстановке, он жил ею, потому что каждая мелочь здесь напоми-

нала ему то Японию, то Африку, то Аравию, то Цейлон, то тундры далекого севера, сибирскую тайгу и т. д. Это был целый музей, составленный не случайно, а с строгим выбором — тут были и ботанические препараты, и коллекции по энтомологии, и зоологические раритеты и *unicum*'ы, и масса этнографического материала, и предметы ежедневного обихода разных племен, ткани, материи, игрушки, артики и так без конца. Все это было расположено в самом строгом порядке и напоминало хозяину о его далеких путешествиях. Особое место занимала специальная библиотека из книг на трех языках. Здесь сосредоточивалась главная подготовительная работа, и здесь-то Александр Васильевич реализовывал результаты своих путешествий в целом ряде статей. Он работал много, постоянно и упорно, не имея свободного времени для так называемых удовольствий. Было величайшей редкостью встретить его где-нибудь на гулянье или в театре. Когда же гулять и отдыхать, когда работы так много, а жизнь так коротка. Вообще, по своей трудоспособности Александр Васильевич представлял очень редкий и крайне отрядный пример.

Была еще одна особенность этой обстановки, точно неодушевленные вещи требовали живого голоса, движения, вообще живой иллюстрации. В квартире Александра Васильевича целая комната была отведена птицам. Центр занимала громадная проволочная клетка, где жили маленькие птицы, а затем отдельные клетки с экземплярами покрупнее. Тут-то на подставках бормотали какаду и серые попугаи. Одним словом, целый птичник, напоминавший опять о далеких странах. Эта живая зоология трещала, пела, свистала на все лады, и Александр Васильевич находил время ухаживать за своими любимцами. В этом скромном занятии сказывалась страстная любовь к живой природе, к постоянной привычке наблюдать эту живую природу и, так сказать, научным развлечениям.

— Это мои друзья, — объяснял он не без гордости. — Обратите внимание вон на эту чету зеленых африканских попугайчиков... Самая трогательная супружеская пара. Как говорят, они не переживают друг друга — умрет один, и другой умирает от тоски. А вот эта парочка кардиналов? А японские чечетки с красными хохолками на голове?..

К числу друзей принадлежал и рыжий сеттер, и жирный кот, ласково поглядывавший на клетки с птицами, и охотничья двустволка, и неизменная спутница во всех путешествиях, винтовка.

Именно в этой обстановке как-то особенно хорошо велись разговоры о предстоящей экспедиции, к которой готовился Александр Васильевич. Он почти бредил Суданом и махдистом.

— Непременно проберусь туда, — повторял он с мягкой улыбкой.

— И опять в единственном числе?

— Как всегда... Я ведь путешествую всегда на свои личные средства и не имею возможности взять с собой даже русского проводника.

Кстати, характерно то, что Александр Васильевич, несмотря на свои многочисленные печатные труды и доклады в разных ученых обществах, не мог добиться какой-нибудь командировки с специальной целью. Живя в Лесном, он зарабатывал определенную сумму тяжелым трудом вольнопрактикующего врача, отказывал себе во всем и на самые скромные средства отправлялся в экспедицию за свой личный риск и страх. Это служило вечной помехой для последовательности его исследований, отнимало напрасно много дорогого времени и составляло болезненное место. По своей скромности, Александр Васильевич не мог добиться никакой официальной командировки, потому что такие командировки доставались другим... Он не роптал, не завидовал более счастливым путешественникам и продолжал с завидной настойчивостью делать свое дело.

— Все это только подготовительные работы, — объяснял он. — А может быть, когда-нибудь и добьюсь посторонней помощи... Конечно, жаль, когда приходится тратить столько времени буквально на собирание грошей. Что же, у каждого человека своя орбита, по которой он движется.

Действительно, у Александра Васильевича была своя собственная орбита, и он двигался по ней с большим упорством. Кстати, меня интересовало, почему он остановился на центральной Африке, а не на Индии или других малоисследованных странах.

— Черный материк теперь переживает самое боевое время, — объяснял Александр Васильевич. — Европейцы рвут его по частям, и, по-моему, в недалеком будущем ему предстоит громадная роль, о которой сейчас можно только догадываться... Во всяком случае, здесь есть серьезная работа.

Но прежде, чем попасть в Судан, Александр Васильевич получил казенную командировку на голодный тиф, свирепствовавший в Челябинском уезде Пермской губ. в 1892 г. и в том же году на ревизию врачебных заведений Западного края, а в 1893 г. в Бессарабию с той же целью.

III

Свои путешествия Александр Васильевич начал, еще будучи гимназистом, когда делал продолжительные экскурсии по Новгородской и Псковской губерниям, а затем пешком обошел часть Финляндии, пробравшись через Кояну в Улеаборг. Это было в 1875 г. В следующем, 1876 году, мы его встречаем уже в Западной Европе, которую он объехал почти всю, за исключением Англии и Балканского полуострова. В 1877 г. он опять целых три месяца провел в Финляндии и Карелии, все лето 1878 г. провел в губерниях Олонецкой, Вологодской и Архангельской, в 1879 г. пробрался на северный Урал и в верховья Печоры. Лето 1880 года занимался в дебрях новгородских лесов исследованием местных курганов. В 1881 году, будучи студентом медико-хирургической академии, в первый раз отправился на Восток, — был в Египте, доходил до Сиута, а затем через Каменистую Аравию прошел на верблюде в Палестину. В 1882 году совершил поездку в Скандинавию и Лапландию, а в 1883 году опять отправился в Египет, дошел до первых порогов на Ниле, перешел пустыню от Кеннэ до Коссейра, объехал берега Красного моря, опять прошел через Синайскую пустыню. В 1884 году он опять был в Палестине, по поручению Палестинского общества исследовать положение русских паломников, отсюда отправился в Триполи, чтобы пробраться в Феццан, но последнее не удалось, и он, объехав Тунис и Алжир, совершил двухмесячную экскурсию в Сахару до Гадамеса. В 1886 году перешел поперек Малую Азию, в 1889 году совершил поездку на Дальний Восток, причем объехал Южно-Уссурийский край, пробыл полтора месяца в Японии и на обратном пути экскурсировал на Цейлон. Последней экспедицией Александра Васильевича была его попытка пробраться в 1894 году в Судан, занятый махдистами: это предприятие закончилось полным разгромом. Смелый путешественник едва спасся.

— Если бы не хороший верблюд — я и сам не ушел бы жив, — рассказывал он мне прошлым летом в Лесном, — он получил рану в голову и ходил в черной шелковой шапочке. — А тут добрался до Нила, бросил верблюда и переправился на лодке на другой берег... Все вещи, коллекции и деньги погибли. Это была моя первая неудача...

Эта неудача, однако, не остановила Александра Васильевича и он в прошлом году опять отправился в страну махдистов, и опять неудача — его постиг солнечный удар и он должен был

вернуться в свое Лесное, где долго лечился. Но, немного оправившись, он в том же 1894 году, осенью, предпринял новую экспедицию в Африку вместе с г. Леонтьевым и вернулся в Петербург только весной нынешнего года. Преждевременная смерть застала его в приготовлениях к новой африканской экспедиции, которая должна была осуществиться осенью нынешнего года.

К этим многочисленным путешествиям нужно еще прибавить его службу в качестве военного врача в Туркестане и на Кавказе. Одним словом, покойный путешественник в течение своей короткой жизни — он умер всего 36 лет — исколесил почти весь Старый Свет по всем направлениям. Он точно предчувствовал роковой конец и ловил каждую минуту.

Родился доктор Елисеев в Свеаборге в 1858 году и, в качестве сына армейского офицера, с раннего детства привык к скитальческой жизни, полной всевозможных лишений. Вероятно, благодаря этому сложилась его неутомимая энергия и страсть к путешествиям. Первоначальное образование он получил в кронштадтской гимназии, а затем поступил в Петербургский университет, на физико-математический факультет. Закончил он свое образование в медико-хирургической академии. По окончании курса он долгое время служил военным врачом, путешествовал и работал над своими статьями, помещенными, большей частью, в разных специальных изданиях. О каждом своем путешествии он давал читающей русской публике подробный и обстоятельный отчет. Из его работ назовем: «К археологии и антропологии Ильменского бассейна» («Журн. Мин. нар. просв.»), «Обитатели каменистой Аравии» (*ibid.*), затем в «Изв. Географ. общ.» им напечатаны: «Антропологические заметки о финнах», «Антропологические экскурсии поперек Малой Азии», отчет о путешествии на далекий Восток, «Магдизм и современное положение дел в Судане»; в «Трудах Антропол. отд. Общ. люб. естеств.» статья «Борьба Великого Новгорода со шведами и финнами по народным сказаниям». В общих журналах им напечатан целый ряд статей: в «Вестн. Евр.» описание путешествия по берегам Красного моря, в «Сев. вестн.» — «Положение женщины на Востоке», «Среди поклонников дьявола», в «Историч. вестн.» — статья «Значение малой Азии для России». Особое место занимают его статьи: «Опыт рациональной географии» и «К вопросу о хвостатых людях». Мы перечислили только небольшую часть его работ, разбросанных в десятке изданий. Только незадолго до своей смерти Александр Васильевич сделал сборник своих путешествий под общим заголовком: «По белу свету», два компактных,

прекрасно иллюстрированных тома*. Ко всему этому следует прибавить еще доклады в ученых обществах, отчеты по казенным командировкам, публичные лекции и целый ряд газетных статей. Все это доказывает, как покойный поработал в такой короткий срок своей молодой жизни...

Подводя итоги всему сказанному, нам больно было читать напечатанную в одной газете выдержку из автобиографии Александра Васильевича, написанной им в альбом приятеля в 1894 году: «Немного лет хватит моих сил на этот беспрестанный каторжный труд, лишенный всякой поддержки, не только материальной, но и нравственной... С каждым годом чувствую, что силы начинают изменять и нельзя безнаказанно злоупотреблять даже богатыми запасами, данными природой, не давая организму и недели полного отдыха без труда и без забот». Это было роковое предчувствие, разрешившееся роковой катастрофой... Отдых был уже близок.

Каждый автор отдает лучшую часть самого себя своим произведениям, которые таким образом являются его лучшей характеристикой. Поэтому не могу удержаться, чтобы не привести довольно длинного описания далекой уссурийской тайги, которое всего лучше характеризует покойного Александра Васильевича, как человека с чуткой душой, тонкого наблюдателя, окрыленного всесторонними знаниями, как, наконец, страстного и глубокого любителя природы, понимавшего самые тончайшие проявления ее многосложной жизни и находившего в них ответ на глубокие запросы из другого мира. Вот это описание, которое может служить лучшим портретом автора: «Великолепная снаружи, тайга еще более поражает в своей таинственной глубине. В глухих недрах этого лесного океана, как под сводами древнего величественного храма, царит вечная торжественная тишина. Под сенью вековых великанов, под защитой непроницаемых стен заросли, за прочными баррикадами старых пней и стволов поваленных деревьев, перевитых виноградом и плющом — творятся незримо и беззвучно все жизненные процессы тайги. Атмосфера тут пропитана дыханием леса, испарениями почвы, своеобразным ароматом тайги; запах хвои, перегнившей листвы, свежей зелени, благовония поздних цветов и особый, свойственный лишь глухому лесу, недоступному прямым лучам солнца, одуряющий аромат — наполняют глубину тайги. Тут любят гнез-

* Тома 3-4 были изданы посмертно в 1896-1898 гг. (*Прим ред.*).

даться лишь мхи, лишайники и грибы; избегая солнца, они прячутся под сень растений, тянущихся к теплу и свету. Здесь, в недоступной глубине, помещается настоящая лаборатория природы, из ничего создающей жизнь и чудеса; таинственные процессы жизни, круговорот превращения материи, рождение и смерть, разрушение и созидание, — все тайны природы, лишь отчасти доступные человеку, совершаются в этих мрачных уголках, где так пахнет сыростью и грибами. Весной и осенью особенно деятельно идут эти процессы жизни, лаборатория природы работает тогда энергичнее, чтобы усвоить и обработать материал, из которого родится и вырастает тайга. Если весной идет усиленное созидание жизни из накопленной энергии солнца, то осенью тут подводятся итоги, заготавливается материал для будущего обновления жизни — радостного воскресения природы после временного успокоения и сна. Сюда, в эти тихие и безмолвные, мрачные, как могила, уголки, приходи искать разрешения своих жизненных загадок и сомнений, человек!.. Тут яснее, чем во всех книгах мира, можно познавать тайны мироздания, понимать те мудрые законы, по которым движется, живет и обновляется мир. Тут нет места для мрачного пессимизма; природа сама — великий оптимист, излишними и смешными кажутся пред лицом ее стенания праздных людей о мировом горе, будто бы парализующем их гениальные силы. Борьба, движение и труд разлиты в самой природе; они создают и мир, и жизнь, и самого человека в благороднейшем смысле этого слова. К чему плакать, скорбеть и отчаиваться, когда нужно работать, не покладая рук, когда искомое человечеством счастье заключается в его коллективном, разумно направленном труде. Природа сама указывает человеку его счастье... Тот не мудрец, кто, понадеявшись на одну творческую силу своего особого одиночного ума, не умеет наблюдать природы, понимать ее тайн или, по крайней мере, читать в той великой, полной тайн и загадок, книге, которую представляет сама природа... Призыв к жизни, а не к смерти несет из каждого уголка зеленого царства; жажда жизни и наслаждения ею слышится в каждом звуке, раздающемся в тысячеголосой тайге; шум леса, рев бури, журчание веселых лесных ручейков, вой диких зверей, песни птиц — все это различные призывы к жизни... Даже там, в тех таинственных лабораториях, где беззвучно совершаются жизненные процессы леса, обновление берет верх над разрушением, жизнь царит над смертью, временами совершенно заглушая ее. Не успеет упасть один из великанов леса, не успеет сорваться отживший листок, не успеет погибнуть в

борьбе за существование одно из самых ничтожных существ леса, как на трупах их уже начинает теплиться искорка новой жизни, словно разрушение одного организма есть возрождение многих других. На трупе крошечного насекомого, на обломке отжившего листка, в кусочке гниющей древесины копошатся уже бесчисленные юные существа, которых все назначение — служить посредниками в великом круговороте жизни».

Полагаем, что это чудное описание не нуждается в комментариях...

IV

Смерть застигла Александра Васильевича совершенно неожиданно, точно порвалась туго натянутая струна. Еще 10 мая он делал доклад в географическом обществе о своей последней поездке в Абиссинию, хотя и чувствовал некоторое недомогание, которое приписывал легкой форме ангины. Но оказалось впоследствии, что именно в этот день на его руках умер ребенок от крупы, слюна которого попала ему прямо в рот. Сначала Александр Васильевич не обращал внимания на свое недомогание, а когда обратился за помощью к товарищам по профессии, оказалось уже поздно — крупозный процесс заполонил уже все бронхи. Больной все время был на ногах и только слег в самый день смерти. Умер он в полном сознании. Надежда на выздоровление покинула его только за 10 минут до смерти, когда он сказал: «Теперь все кончено...»

Умер Александр Васильевич 22 мая, а 26 похоронен на Смоленском кладбище. Сама смерть таких людей является живым примером, как надо жить... Скажем последнее прости этому неутомимому труженику и смелому исследователю, который мог еще так долго и много работать на общую пользу, в чем видел все счастье, смысл и цель жизни! Он умер, как солдат, на своем посту...

Орфография и пунктуация включенных в книгу текстов приближены к современным нормам; исправлены отдельные устаревшие обороты. Тексты публикуются по первоизданиям:

Елисеев А. В. Картины доисторической жизни человека: Антропологический очерк. СПб.: П. П. Сойкин, 1914 (Знание для всех).

Мамин-Сибиряк Д. Н. А. В. Елисеев: Страничка из воспоминаний // Мир Божий. 1895. № 7.

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.